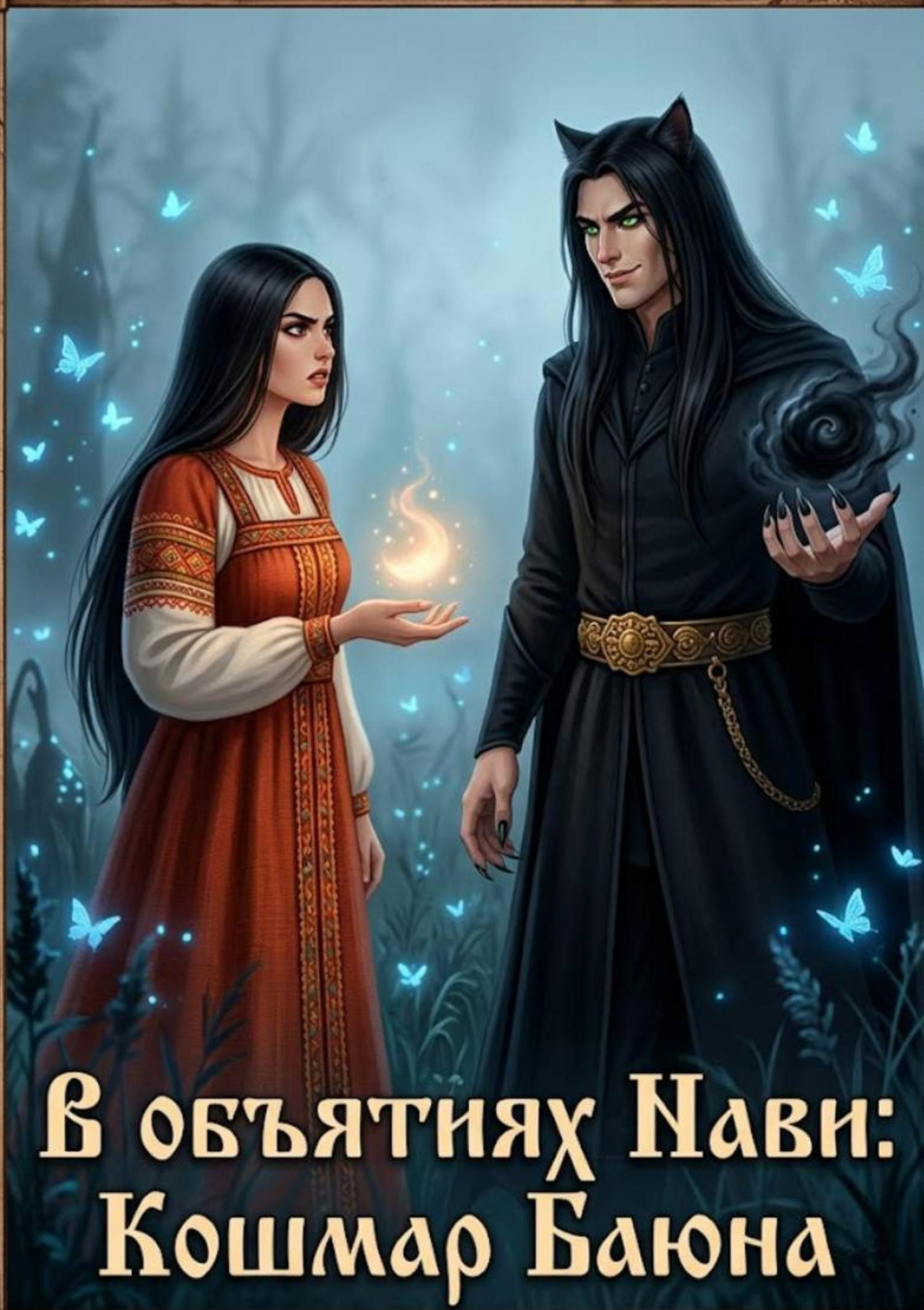

Кэти М. Ди

В объятиях Нави: Кошмар Баюна

Навъ

Кэти Ди

В объятиях Нави: Кошмар Баюна

«Автор»

2026

Ди К. М.

В объятиях Нави: Кошмар Баюна / К. М. Ди — «Автор»,
2026 — (Навь)

Пробраться ночью на чердак и заглянуть в старинное зеркало? Легко. Вывалиться сквозь него в дремучее славянское средневековье, да еще и в теле чужой девчонки? Ксюша не планировала такой отпуск. Велемир — грозный дух ночных кошмаров, способный оборачиваться черным котом. Веками он наводил ужас на смертных ради развлечения, пока не встретил Ксюшу. Ведь ее душу его магия не берет, а на все его зловещие угрозы у высокой брюнетки готов острый ответ. Случайная трагедия лишает Ксюшу тела и превращает в светлого духа сновидений. Теперь ее миссия — портить Велемиру его идеальные хоррор-сюжеты, превращая жутких монстров в розовых поросят. Между ними разгорается настоящая война во снах! Когда в Навь придет истинная беда, им придется объединиться, чтобы спасти оба мира. Даже если для этого Ксюше придется приручить самого опасного кота изнанки... И сможет ли он пожертвовать своей сутью, чтобы удержать любимую в своих объятиях?

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Гла	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кэти Ди

В объятиях Нави: Кошмар Баюна

Пролог

Смертные привыкли думать, будто сны — это лишь пустые картинки, рождённые усталым разумом за день. Глупцы. Сновидения — это древняя, первородная магия, которую каждый человек носит внутри себя, бережно прикрывая веками, пока спит. И в этой магии сокрыт строгий, нерушимый закон Нави.

Страшный сон — это не всегда плохо. Истинный кошмар — это предупреждение. Это знак, кричащий о грядущей беде, или эхо сотворённого тобой зла, которое возвращается, чтобы очистить душу через страх. Заповедь изнанки сурова, но справедлива: кошмары никогда не приходят к чистым, хорошим людям. Мрак Нави лишь отражает то, что человек сам затаил в своём сердце. Так было веками.

Пока один навский преступник не решил, что правила созданы для того, чтобы их нарушать.

Велемир — высший дух кошмаров, хищник с зелёными кошачьими глазами и острыми когтями — однажды откровенно заскучал. Он посчитал, что наводить леденящий ужас на праведников и грешников без разбора, просто ради собственной забавы и озорства — куда интереснее, чем следовать древним законам. Он упивался своим могуществом, превращая чужие ночи в изысканный театр личного безумия.

Но всё в подлунном мире имеет свою цену. Навь не прощает долгов, и плата за вековую гордыню оказалась сокрушительной.

Этой платой стала любовь. Дикая, запретная, перевернувшая всю его суть любовь к дерзкой чужестранке из мира Яви, чьи шёлковые чёрные волосы пахли полуночной прохладой. Велемир, веками бывший чужим кошмаром, сам оказался в плену. А затем его собственная тёмная магия разрушила то единственное, чем он дорожил.

Теперь великий и ужасный чернокнижник заперт в своих пустых чертогах. Его гордое сердце разбито вдребезги. И каждую божью ночь он пытается залечить эту зияющую рану, бережно вкладывая свои самые светлые, полные боли и нежности воспоминания в хрупкую магическую сферу. Он ждёт. Он надеется искупить вину перед той, которая стала для него прекраснее самой ночи.

Глава 1

Кондиционер в папином внедорожнике не справлялся с августовской жарой, зато мама справлялась с созданием паники на ура. Она уже сорок минут проверяла по списку подарки для бабушкиного юбилея, попутно поправляя макияж и вздыхая так тяжело, словно они ехали не на праздник, а как минимум сдаваться в плен печенегам.

— ...И если твой брат опять привезёт этот ужасный разборный парник, я за себя не ручаюсь, — мамин голос набрал привычную драматическую высоту. Она обернулась на заднее сиденье. — Ксюша, выпрями спину! Ты будущая модель или горбун из Нотр-Дама? С твоим ростом и фигурой только сутулиться, ага. И платье, платье ты нормальное взяла? Только не говори, что опять вырядишься в этот свой безразмерный чёрный мешок, в котором тебя три раза обернуть можно!

Ксюша, лениво листавшая ленту в телефоне, даже не повела бровью. К маминой гиперопеке и вечным комментариям по поводу её модельной внешности она давно выработала железобетонный иммунитет. Она лишь поправила роскошную, гладкую чёрную прядь волос, которая упала на лицо, и лениво улыбнулась:

— Мамуль, это не мешок, это оверсайз. Самый писк уличной моды. И вообще, бабуля в прошлый раз сказала, что в чёрном я выгляжу «статисто и статно». Так что мы с ней на одной волне.

— Ой, ну конечно, нашла авторитет! — мама всплеснула руками и обречённо откинулась на пассажирское сиденье. — Твоя бабушка всегда была, мягко говоря, со странностями. Вся деревня её до сих пор за глаза ведьмой зовёт. Вот чувствует моё сердце, ругани за праздничным столом не избежать! Опять начнётся: *«Окна на ночь занавешивайте, зеркала холстной прикрывайте, Морок в избу не пускайте»*... Тьфу! Взрослая женщина, семьдесят пять лет исполняется, а всё туда же — поверья, гадания, духи ночные. Чушь какая-то.

Отец за рулём только тихонько хмыкнул, благоразумно решив не ввязываться в женскую дискуссию, и прибавил газу. Дорожный указатель сообщил, что до деревни осталось всего десять километров.

Ксюша промолчала, отвернувшись к окну, но внутри у неё сладко замерло предвкушение. В отличие от скептической мамы, Ксюша бабушкины «странности» просто обожала. С самого детства эти страшные и таинственные сказки про Навь, Прави и духов сновидений казались ей куда интереснее, чем скучные уроки обществознания. За последний год у Ксюши накопился целый вагон новых вопросов, которые она собиралась вывалить на бабушку, как только они останутся наедине. Ей безумно хотелось узнать, почему бабуля так трясётся над старыми вещами и что за скрытые смыслы таятся в древних славянских заговорах.

Если бы Ксюша только знала, что ответы на все эти вопросы она получит гораздо быстрее, чем рассчитывала.

Приехали они ближе к вечеру. Деревня встретила их оглушительным лаем собак, запахом печного дыма и суетливыми сборами. Юбилей отгремел шумно: тётки спорили о рецептах пирогов, дядя действительно привёз дурацкий парник, мама успела трижды схватиться за сердце из-за бабушкиных замечаний, а папа тихо спал на веранде.

К двум часам ночи дом наконец затих. В старом бревенчатом строении все давно спали. Ксюша, вооружившись фонариком на телефоне, кралась по скрипучим половицам. Цель была ясна — чердак. Днём бабушка строго-настрого запретила туда ходить, пробормотав что-то про «нечистое место» и «нечего там пыль глотать». А если девятнадцатилетней Ксюше что-то запретить, то это автоматически становится делом всей её жизни.

Дверь на чердак поддавалась с жалобным, протяжным стоном. Ксюша замерла, затаив дыхание, но дом не проснулся. Она юркнула внутрь и поднялась по крутой деревянной лестнице.

Здесь, под самой крышей, царило царство теней. Лунный свет пробивался сквозь маленькое круглое окошко, выхватывая из темноты силуэты старых сундуков, сломанных прялок и связок сушёной травы. Воздух был густым, сухим и пах застывшим временем.

В самом дальнем углу Ксюша заметила странный высокий предмет. Он был бережно укутан плотной, потемневшей от времени холстиной.

— Ну и что тут у нас? Кошечья игла или бабушкино ведьминское приданое? — прошептала Ксюша, пробираясь сквозь завалы старых журналов.

Она ухватила за край ткани и сдёрнула её. Под холстом оказалось огромное, в человеческий рост, зеркало в тяжёлой резной раме из тёмного, почти чёрного дерева. Узоры на раме напоминали переплетенные корни деревьев или змей. Само стекло было настолько засижено пылью, что не отражало ничего, кроме мутного серого ничто.

Ксюша чихнула, взмахнула рукавом своей толстовки и решительно протерла стекло.

Поверхность зеркала качнулась. Ксюше показалось, что по нему пошла рябь, словно по воде, в которую бросили камушек. Она моргнула, уставившись в глубину. Вместо захламлённого чердака и собственного заспанного лица она увидела там... что-то другое. Какая-то туманная чаща, очертания незнакомых избушек и странный, фосфорический свет.

— Так, Ксюша, меньше надо было слушать мамины бредни про ведьм, — пробормотала она, наклоняясь ближе к стеклу.

Любопытство заставило её подойти вплотную. Она вытянула шею, пытаясь разглядеть, не оптический ли это обман. Одеядло, которое она накинула на плечи, зацепилось за торчащий из пола гвоздь. Ксюша резко дёрнулась, потеряла равновесие и с коротким испуганным писком полетела прямо на зеркало.

В панике она выставила вперёд руки, ожидая оглушительного звона бьющегося стекла и острой боли.

Но звона не произошло. Зеркало не удержало её. Оно оказалось мягким, прохладным и податливым, как плотный туман. Ксюша с головой ухнула вперёд, словно провалилась в открытый дверной проём, и мир вокруг неё с диким свистом перевернулся.

Велемир сидел на толстом суку векового дуба, росшего на самой границе между чернеющим Навым лесом и деревней смертных. Дух кошмаров вальяжно болтал длинными ногами в воздухе, не заботясь о высоте, и лениво перебирал тонкими пальцами с острыми чёрными когтями. Между его ладонями, словно живой, перекачивался небольшой тёмный шарик, сотворённый из клубящегося ночного тумана. Внутри шарика тускло поблёскивали искры — это был свежий, лично им сотворённый кошмар.

Сумерки в изнанке стремительно сгущались, окрашивая небо в густой чернильный цвет. Деревня внизу потихоньку затихала, люди гасили лучины и ложились спать, а Вел, хищно щуря ярко-зелёные кошачьи глаза, задумчиво размышлял, кого бы осчастливить своей новой хоррор-задумкой.

«Так, старосте на прошлой неделе снились упыри... скучно, — лениво думал Велемир, и его аккуратные чёрные кошачьи уши, прятавшиеся в волосах, чуть дрогнули. — Кузнецу — утопленники в колоде. Тоже банально. О! Нашлю-ка я на знахарку сон, где её любимая корова начинает говорить басом и требует вернуть долги по налогам. Да, это будет изысканно».

Он довольно улыбнулся, подбросив туманный шарик на ладони, но запустить его не успел.

Воздух вокруг внезапно стал липким и тяжёлым. В тишине Нави раздался странный, ни на что не похожий треск — словно кто-то с силой разорвал плотный кусок шёлка. В следующую секунду иссиня-чёрное небо изнанки осенило грандиозной, неестественной грозой.

Огромная, ослепительно-белая молния с фиолетовыми искрами разрезала небосвод над деревенским краем и застыла, пульсируя, живя своей дикой, чужой жизнью.

От неожиданности и оглушительного магического импульса, который ударил по его навьим чувствам, великий и ужасный повелитель Морока совершил абсолютно непечатный кульбит.

— Твою же Макошь! — дико шикнул Вел.

Потеряв равновесие, он с треском полетел вниз. Его чёрный кафтан зацепился за сук, золотой пояс звякнул, и Велемир со всего маху грохнулся спиной в густую траву. Из его груди выбило воздух, а туманный шарик с кошмаром обиженно растаял в воздухе.

Вел перевернулся на живот, сердито шипя и ругаясь сквозь зубы на всех известных ему духов бездны. Его уши были прижаты к голове от возмущения и испуга. Приподнявшись на локтях, он уставился на небо.

Странная молния исчезла, но над приграничной избой Любавы всё ещё держалось едва заметное, фосфорическое сияние чужой, тёплой магии. В воздухе пахло озоном, грозой и... духами с ароматом ванили.

— Это ещё что за шутки Чернобога? — проворчал Вел, потирая ушибленную спину и выпуская чёрные когти. — У кого-то в деревне крыша поехала настолько, что пробила ткань миров?

Он поднялся, бесшумно отряхнул чёрные одежды и хищной, пружинящей походкой направился в сторону сияния.

Свечение над крышей деревенской избы постепенно угасло, оставив после себя лишь едва заметный запах ванили вперемешку с озоном. Велемир, обратившись бесшумным чёрным туманом, проскользил между ракетами и замер у приоткрытого окна. Опустившись на траву, он снова соткал своё человеческое тело, бесшумно поправил золотой пояс на чёрном кафтане и хищно усмехнулся.

— Ну надо же, тишина, — пробормотал он, подёргивая ухом. — Почудилось, значит. А Навь свидетельствовала: давненько я так глупо с деревьев не летал. Что ж, раз я уже здесь, то Любаве кошмар и нагоним.

Вел задумчиво выпустил чёрные когти. Любка была первой девчонкой на деревне — умной, статной, дочерью самого старосты. Местной «княжной». Несколько лет назад Велемир, к своему собственному ужасу, поймал себя на мысли, что безумно хочет заглядывать в её сны чаще обычного. Сам навский кошмар — и положил глаз на деревенскую девку! Но Навь быстро расставила всё по местам. Любава оказалась точно такой же, как все смертные, а в чём-то даже хуже. Высокомерной, наглой и пустой.

Вел до сих пор помнил, как ей было шестнадцать лет. Юный, рукастый, но ужасно нелепый и прыщавый Володька попытался сорвать для Любавы самый красивый полевой цветок и робко признался в чувствах. На что дочка старосты лишь громко, обидно рассмеялась на всю улицу, заявив: *«Ты розей-то не вышел, Володька! С твоими прыщами тебе только к Глашке-доярке в хлев идти. Мне нужен красивый, статный, высокий муж, чтоб дети были всем на зависть. А с тобой — один смех да сплетни!»*

Ох и разозлился тогда Велемир. С тех пор он зарёкся не смотреть на Любаву с нежностью и решил проучить наглую девицу. Каждую ночь он изошрённо мстил ей, насылая один и тот же издевательский кошмар — толпы нелепых, прыщавых и косых женихов, от которых она в панике бежала по навьим болотам. Стоит ли говорить, что за три года Любава так и не нашла себе реального мужа, превратившись в бледную, задёрганную тень?

Вел тихо, злорадно рассмеялся. Между его ладоней снова соткался плотный туманный шарик. Внутри него уже клубился свежий Морок: сегодня прыщавый Володька в Любкином сне должен был явиться к ней в образе трёхголового змея, каждая голова которого требовала от неё поцелуя.

— Приятных сновидений, княжна, — шепнул Велемир.

Взмахом руки он запустил магический шарик прямо в приоткрытое окно избы. Тёмная сфера беззвучно влетела в комнату и мягко опустилась на грудь спящей возле подоконника девушки.

Вел победно скрестил руки, ожидая услышать привычный сонный стон, метания по соломе и слёзы. Но внутри избы воцарилась оглушительная, безмятежная тишина. Чёрная магия кошмара, едва соприкоснувшись с чужой душой и с глухим, невидимым для смертных щелчком отрикошетила.

Девушка лишь сладко почмокала губами во сне, перевернулась на другой бок и поудобнее устроилась на соломенном тюфяке.

Глава 2

Ксюша проснулась от оглушительного, утробного грохота. Где-то за стеной что-то с дребезжанием катилось, шуршало и глухо билось о деревянные перекрытия.

— Пап, ну хорош а... — сонно пробормотала она, натягивая невидимое одеяло на голову. — Время семь утра. Опять решил в сарае порядок навести или ключи от машины потерял? Имейте совесть, дайте будущей модели поспать...

Она лениво приоткрыла правый глаз и осеклась. Прямо над ней, вместо привычного белёного потолка бабушкиной гостевой комнаты, нависали массивные, потемневшие от времени деревянные балки. Кое-где между ними торчали пучки сушёной травы. Воздух был сухим, густым и пах печной гарью.

Ксюша резко приподнялась на локтях, чувствуя, как сердце испуганно пропустило удар. Под ней глухо зашуршала грубая солома.

— Так, Ксюха, без паники, — прошептала она, оглядывая комнату. — Значит, я всё-таки уснула на чердаке. Или так удачно грохнулась со стремянки, что отключилась и теперь вижу очень реалистичный сон про деревню девятнадцатого века.

Комната была крошечной и непривычно пустой. Бревенчатые стены, грубо сколоченный стол у окна, глиняный кувшин. Сама Ксюша была одета в длинную, до самых пят, белоснежную сорочку из плотного льна. На удивление, рубаха сидела на её высокой, стройной фигуре идеально, подчёркивая модельный силуэт, а роскошные чёрные волосы растрепались и волнами спускались до самой поясицы.

Вдруг за тонкой деревянной дверью оглушительно загремела посуда, и звонкий женский голос запричитал на весь дом:

— Любавушка! Доченька, просыпайся, горе ты моё! Кушать пора, оладушки остынут. Очнулась ли после ночи-то жуткой? Свят-свят...

Ксюша подскочила на соломенном тюфяке так, словно её ударило током. Её карие глаза округлились от шока.

— Какая ещё Любавушка?! — выдохнула она, хватаясь за голову.

Она несколько раз зажмурилась, изо всех сил зажмурила глаза, досчитала до трёх и резко открыла. Деревянные балки никуда не исчезли. Женщина за дверью продолжала греметь ухватом.

— Дурь какая-то... Этого просто не может быть! — Ксюша бросилась к распахнутому окну, надеясь увидеть папин внедорожник или хотя бы забор соседней дачи.

Но за окном расстился абсолютно чужой, сероватый мир. Прямо под подоконником, в невысокой густой траве, лениво прохаживался огромный, лоснящийся чёрный кот с обманчиво мягкими лапками. Заметив Ксюшу, животное на секунду замерло, хищно прищурило ярко-зелёные глаза, а его аккуратные ушки на макушке подозрительно дёрнулись. Кот издал утробное, почти издевательское «мяу» и неспешно скрылся в кустах ракиты.

— Отлично, ещё и местная фауна надо мной издевается, — Ксюша шумновыдохнула и обернулась.

На лавке возле постели лежал сложенный сарафан. Девушка схватила его, расправила и тут же скривила безупречный нос в гримасе глубочайшего отвращения. Сарафан был плотным, грубым и имел дикий, тёмно-рыжий, почти оранжевый оттенок цвета взбесившейся лисицы.

Ксюша этот цвет ненавидела всей душой. Оранжевый всегда привлекал слишком много ненужного внимания, кричал о себе за версту, а она, несмотря на свою яркую внешность, в повседневной жизни предпочитала элегантный чёрный оверсайз.

— Ну и треш, — проворчала она, неохотно натягивая терракотовое убожество поверх белой сорочки. — Я в этом мешке похожа на бабу на чайнике. Если это затянувшийся прикол от мамы на бабушкин юбилей, то он зашёл слишком далеко.

Резко дёрнув засов, Ксюша распахнула дверь в коридор, готовая устроить разнос любому, кто посмел украсть её любимые джинсы.

Шаг — и она оказалась в просторной, залитой утренним светом горнице. Изба была большой, крепкой, добротной. Посреди комнаты тянулся огромный дубовый стол, за которым восседали двое.

Слева сидела женщина в накрахмаленном головном платке и чистом переднике, а справа — солидный, хмурый мужчина в очках. Одежда на обоих была приличной, даже дорогой по местным меркам, что выдавало их высокий статус.

— Садись, дочка, Любашенька, — защebetала женщина, указывая на свободную лавку. — Вон, оладушки только из печи, пышут!

Ксюша промолчала. Медленно, сохраняя свою царственную модельную осанку, она подошла к столу и царственно опустилась на скамью. Мужчина за столом грозно зыркнул на неё из-под очков и демонстративно отложил в сторону плотный свиток пергамента. Он скрестил руки на груди и принялся молча, буравящим взглядом наблюдать за каждым её движением.

Ксюша терпеть не могла, когда на неё так смотрели. Пряди чёрных волос скользнули по рыжим плечам, и она, вскинув идеальные брови, хлёстко выдала:

— Что?

Матушка всплеснула руками и испуганно запричитала:

— Ой, дочка... Ты это чего сегодня такая? А руки помыть с утра пораньше? А как же отцу-то сначала чашку чая подать, уважение оказать? Забыла, что ль, законы?

Ксюша нахмурилась, но спорить не стала — лишнее внимание ей сейчас было ни к чему. Она поднялась, сканируя взглядом незнакомое пространство. Заметив в углу деревянную лохань с подвешенным глиняным умывальником, она подошла, брезгливо сполоснула кончики пальцев и обернулась:

— Хорошо, помыла. А где чай?

Родители Любавы застыли и вылупились на неё так, словно у Ксюши прямо сейчас на голове выросли рога.

— Так вот же он, в кринке на печи греется, — осторожно, словно общаясь с умалишённой, проговорила мать.

— Ах, да... Точно, — Ксюша неловко подыграла, лихорадочно соображая, как налить этот местный напиток без привычного чайника. — А вода где?

Отец Любавы тяжело вздохнул и недовольно поджал губы. Мать обречённо покачала головой, жалостливо глядя на «дочь»:

— Ох, беда моя... Опять всю ночь кошмары мучили, Любашенька? Совсем тебя Морок наввих снов извёл, памяти лишать начал.

Ксюша быстро сообразила, что это идеальная отмазка, и упрямо кивнула. А что ей ещё оставалось говорить? Если она сейчас начнёт расспрашивать про смартфоны, джинсы и кондиционеры, её тут же примут за блаженную и запрут в каком-нибудь местном аналоге дурки.

«Ну, бабуля... — Ксюша зло стиснула зубы, наливая тёмную пахучую жидкость в глиняную чашку. — Ну, вернусь я домой, погоди у меня! Ох и устрою я тебе разнос за твои ведьминские штучки, ведьмовские гадания и сломанные зеркала! Удружила внучке, нечего сказать».

Матушка с отцом в конце концов тяжело вздохнули. Смирившись с Любашиной утренней «неудачностью» и списав всё на происки ночного Морока, отец вернулся к своему пергаменту. Мать же сочувственно покачала головой и попросила дочку о простом одолжении — сходить к колодцу за водой.

На эту невинную просьбу Ксюша снова уставилась на женщину круглыми, абсолютно непонимающими карими глазами. В её мире вода текла из крана, а в крайнем случае её привозил курьер.

Мать вздохнула, мягко взяла Ксюшу за локоть и вывела на деревянное крыльцо. Там она вручила девушке два тяжёлых пустых ведра и странную, длинную выгнутую деревянную палку с крюками. Названия этого доисторического девайса Ксюша, разумеется, не знала.

— На, Любашенька, бери коромысло, — напутствовала мать, пристраивая палку Ксюше на плечи. — На нём ведро-то сподручнее нести. Иди к колодцу, что на краю деревни, у самой рощицы. Да аккуратнее, не расплескай.

Ксюша проследила за её рукой и буквально вытаращила глаза от ужаса. Колодец чернел где-то на самом горизонте, у раскидистых деревьев, и расстояние до него от дома старосты казалось бесконечным. Для городской девчонки с модельной фигурой, чей максимум физических нагрузок ограничивался беговой дорожкой, это выглядело как изошрённая пытка.

Она тяжело сглотнула, попыталась сделать шаг, но деревянная палка съехала. Ксюша покачнулась, и одно из ведер с оглушительным грохотом полетело с крыльца прямо в грязь.

— Да что ж за день-то такой! — проворчала Ксюша, поднимая жестянку. — Тут вообще есть служба доставки или хотя бы круглосуточный супермаркет?

Она предприняла вторую попытку, но, не рассчитав баланс, снова уронила уже второе ведро. За спиной раздались громкие, полные искренней скорби причитания матушки:

— Ох, батюшки... За что же нам горе такое? Совсем девке память отшибло, ведро удержат не может! Навьи духи, пощадите дитятко...

Качая головой, женщина поспешно скрылась в глубине избы, захлопнув дверь, чтобы не видеть этого позора.

Ксюша осталась стоять на крыльце в своём ненавистном тёмно-рыжем сарафане, с коромыслом наперевес и диким желанием высказать бабушке всё, что она думает о её антикварных зеркалах. Кое-как зацепив упрямые ведра за крюки и пошатываясь от непривычной конструкции, она медленно поплелась по грунтовой дороге, поминутно спотыкаясь и кляня местный фитнес на чём свет стоит.

А на ветке старой ракиты неподалёку, укрывшись густой листвой, сидел Велемир. Его длинные чёрные волосы шевелил ветер, а аккуратные чёрные кошачьи уши так и ходили ходунот с трудом сдерживаемого смеха. Его когти так весело впивались в кору, что он чуть снова не свалился. Высший дух кошмаров с диким восторгом наблюдал, как первая красавица деревни ведёт ожесточённую, но пока проигрышную войну с обычным коромыслом.

Глава 3

Ксюша наконец-то дотащи́лась до края деревни, чувствуя, как мышцы спины умоляют о пощаде. Возле бревенчатого сруба колодца стоял парень, и Ксюша замерла. В этот момент в её сознании словно щёлкнул чужой тумблер — ей на секунду подкинуло чужие, Любавины мысли. Чужая память настойчиво шептала, что этот Володька — прыщавый урод, неудачник и вообще не её уровня.

Вот только Ксюша смотрела на парня своими собственными глазами. И увиденное ей... очень даже понравилось.

За прошедшие три года Володька знатно раздобрел и превратился в настоящего, косая сажень в плечах, богатыря. Да, его лицо не было идеальным — от подростковых прыщей остались небольшие ямки, шрамы и неровности, но в целом он выглядел невероятно симпатично. Из-под светлого картуза выбивались пшеничные волосы, а глаза были чистыми, по-детски голубыми.

Володька как раз заканчивал качать воду. Заметив Ксюшу, он поджал губы — то ли от застарелой обиды, то ли от волнения. Он явно ждал очередной порции яда.

Ксюша приветливо улыбнулась и сделала шаг вперёд:

— Эй, поможешь, а?

От непривычной нагрузки её руки дрогнули, упрямое коромысло перевесило, и много-страдальные вёдра с грохотом полетели вниз. Одно из них с размаху приземлилось прямо Володьке на ногу.

— Ой! Матушка-Макошь! — вскрикнул парень, хватаясь за ушибленный палец.

Ксюша в ужасе прикрыла рот ладонками, мгновенно подскочила к нему и бесцеремонно схватила его за огромную, мозолистую руку:

— Ой, божечки, прости пожалуйста! Честное слово, я не хотела! Сама с этой деревяшкой совладать не могу!

Володька замер, тупо уставившись на неё сверху вниз. Он рассматривал девушку и судорожно пытался понять — мерещится ему или нет? Лицо вроде бы Любкино: те же смоляные волосы, те же черты. Только вот на этом лице вместо привычной брезгливой злости и высокомерия читался искренний, смущённый испуг. И она... извиняется?

— Ты... заболела, что ль, Любаша? — осторожно спросил богатырь.

Сидящий на ветке ракиты Велемир в этот момент едва не поперхнулся воздухом и едва не выдал себя сухим смешком.

— Кошмары замучили, совсем спасу нет, — быстро соврала Ксюша, сделав жалобное лицо.

Володька сочувственно кивнул:

— Да уж, Велемир-то наш совсем лютует... Ладно, давай сюда свои вёдра.

Пока он уверенно качал воду, Ксюша с огромным любопытством наблюдала за процессом. Она даже бесстрашно перегнулась через край сруба, пытаясь разглядеть, далеко ли там, в темноте, блестит вода. Володька от такой прыти побелел и с явным страхом в голосе придержал её за локоть:

— Не гневи судьбу, Любашенька! Упадёшь же, бездна тебя поглотит!

Ксюша лишь мило улыбнулась в ответ. За следующие десять минут они успели обсудить местную погоду, посмеяться над непослушными вёдрами и обменяться парочкой шуток. Володька, окончательно растаявший от такого обращения, сам вызвался донести тяжёлую воду до дома старосты. Любашка в его глазах изменилась до неузнаваемости, став ангелом во плоти.

А вот Велемир на дереве больше не смеялся. Он сидел, напряжённо выпрямив спину, и его зелёные глаза сузились до тонких щёлочек. Он внимательно, дюйм за дюймом, разглядывал девушку.

Что-то было не так. Очень сильно не так.

Во-первых, Любава никогда не оставляла волосы распущенными — всегда заплетала в тугую косу, а у этой незнакомки смоляные пряди струились до поясницы и казались длиннее. Во-вторых, когда она улыбалась, у неё почему-то не появлялись привычные Любкины ямочки на щеках. В-третьих, её глаза... Они были не серыми. Они были тёмными, глубокими, как сама навья ночь. Да и голос звучал гораздо мягче и мелодичнее.

Вел склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую. Хищно принюхался, улавливая тонкий шлейф, который доносился от колодца.

— Ваниль... — тихо прошептал он, дёрнув чёрным ухом.

Он понятия не имел, что это за растение, но его древняя магия подсознательно знала этот тёплый, сладкий аромат. И этот запах никак не вязался с Любавой. От настоящей Любки всегда пахло исключительно жареными блинами и прелым сеном, потому что она целыми днями валялась на отцовском сеновале, не желая ничего делать.

Велемир проводил удаляющуюся парочку долгим, задумчивым взглядом и хищно сощурился. В его голове с новой силой вспыхнула идея проучить эту девчонку и вернуть её в реальность хорошим, сочным кошмаром. Но то, что она не прогнала Володьку, поразило его до глубины души. Володька ведь не был первым красавцем, деревенские девки общались с ним неохотно, а эта «Любава» с ним смеётся, кокетничает и принимает помощь.

— Ладно, птичка, — проворчал Вел, выпуская чёрные когти. — Посмотрим, как ты запоёшь сегодня ночью.

Велемир бесшумно соскользнул с ветки ракиты и прямо в воздухе обратился огромным чёрным котом. По размерам он, конечно, был крупноват для обычного домашнего мышелова — размером с хорошего мейн-куна, — но недалёкие деревенские жители списывали всё на сытую жизнь при амбарах. Они даже не догадывались, кто перед ними, и звали его каждый на свой лад. Кузнец кликал Дымком, знахарка со страху шептала «Чертёнок», а трусливый староста и вовсе панибратски орал: «Брысь, Васька!».

Вела это одновременно и злило, и жутко смешило. Великий дух Нави — и какой-то Васька! Естественно, в руки он никому и никогда не давался, улетая чёрной молнией от любой попытки его погладить.

Но сейчас ему было не до гордости. Вел бесшумной тенью пристроился позади шагающей парочки и, выждав момент, когда они остановились у дома старосты, вальяжно замер прямо у ног Ксюши. Ему нужно было подойти ближе. Принюхаться. Понять наконец, что это — реальные изменения Любавы или у него самого, высшего духа, начались ментальные глюки?

Володька аккуратно опустил тяжёлые вёдра на деревянное крыльцо, смущённо почесал затылок широкой ладонью и робко улыбнулся:

— Ну... ладно. Пойду я, Любаш. Дел ещё много у кузни.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг замер, набрался смелости и обернулся, от волнения сминая в кулаке край своей холщовой рубахи:

— А ты... пойдёшь сегодня вечером со мной на песни? К реке все наши собираются.

Ксюша удивлённо вздёрнула безупречные брови. О, она прекрасно знала, что такое деревенские «песни»! Бабушка в Яви часто рассказывала ей, что в старину это было чем-то вроде современного ночного клуба, только на дикой природе. Молодёжь собиралась у костра, парни

играли на баянах и гусях, девчонки сплетничали, пекли хлеб на углях и водили хороводы. Самая романтика!

— Пойду! — весело, без раздумий, ответила Ксюша.

И, поддавшись порыву благодарности за спасённую спину, она сделала шаг вперёд, приподнялась на носочки и звонко чмокнула ошарашенного богатыря в шершавую щеку:

— Спасибо за помощь, Володь!

Володька от такого счастья мгновенно залился пунцовой краской до самых ушей, глупо улыбнулся и, едва не споткнувшись о собственную ногу, резво припустил вниз по тропинке.

Прямо под ногами Ксюши раздалось громкое, дико недовольное и ревнивое «Мяу!». Велемир сам не понял, почему его так передернуло от этого невинного поцелуя смертных, но его кошачий хвост раздражённо мотнулся из стороны в сторону.

Ксюша проводила Володю тёплым взглядом, помахала ему рукой и тяжело выдохнула, наконец-то заметив сердитого пушистого гиганта у своих ног. Кот сидел с максимально хмурой и осуждающей мордой, уставившись на неё своими неестественно яркими глазами.

— А ты чего тут расселся, чудо ушастое? — Ксюша ласково улыбнулась, наклоняясь к нему. — Есть, что ли, хочешь? Внутренний навигатор подсказывает, что оладушки в доме ещё остались.

Кот оскорблённо открыл пасть, собираясь выдать ей самое грозное шипение из своего арсенала, но даже мяукнуть не успел. Ксюша, ни капли не боясь его внушительных размеров, с криканием подхватила огромного котяру под мышки и с размаху прижала к своей груди, утыкаясь носом в его густую, мягкую чёрную шерсть.

Вел от такой наглости буквально оцепенел. Его лапы с чёрными когтями беспомощно повисли в воздухе. Ни одна живая душа в двух мирах не смела тискать повелителя кошмаров как плюшевую игрушку! А Ксюша тем временем чуть отстранила его от себя, заглядывая прямо в его кошачье лицо, и восхищённо выдохнула:

— Ого... Ну и глаза у тебя красивые. И шёрстка — как шёлк ночной. Слушай, а давай ты у меня будешь... **Агат**? Или нет, лучше **Малахит**! Такой же тёмный, загадочный, а глаза — чистый зелёный камень. Или... **Черномор**? Точно! Будешь моим личным ночным Мороком. Мрачный, чернющий, а в глазах — колдовская зелень. Назову-ка я тебя... **Чернояр**! Коротко — Яр. Звучит дорого и со вкусом, под стать твоей шубке.

Велемир, которого в Нави знали под великим именем Велемир, ошарашенно захлопал зелёными глазами. Его чёрные кошачьи уши удивленно встали торчком. Девчонка из Яви, сама того не ведая, умудрилась дать ему имя, идеально созвучное с его навьей, сумеречной природой. И, признаться честно, её мягкие руки, бережно державшие его у груди, пахли так умопомрачительно вкусно этой странной ванилью, что великий дух кошмаров... забыл, как нужно злиться.

Ксюша с трудом донесла упитанную чёрную тушку до деревянной лавки у забора. Она уютно устроилась на прогретых солнцем досках. Кота она усадила к себе на колени. К её удивлению, пушистый гигант не стал вырываться. Он лишь замер, напряжённый как струна. Ксюша ласково улыбнулась. Она принялась плавно поглаживать его шёлковую спину, аккуратно обходя чуткие чёрные ушки.

*«Ну надо же, какой мягкий, — ласково думала она, перебирая пальцами густой мех. — Назову тебя **Чернояр**. Будешь моим Яриком».*

Вел на её коленях затаил дыхание. Навья магия внутри него растерянно затихла от этих нежных, пахнущих ванилью рук.

Идиллию нарушил грохот. Дверь избы распахнулась. На крыльцо размашистым шагом вышел отец Любавы. Мужчина не смотрел под ноги. Он со всего маху споткнулся об оставленные у ступени полные вёдра. Вода с шумом выплеснулась на землю. Староста едва удержал равновесие и громко, грязно выругался на всю улицу.

От неожиданного шума кот мгновенно соскочил с Ксюшиных колен. В прыжке он случайно, но глубоко полоснул её острыми чёрными когтями по ладони.

— Ай! — Ксюша шикнула от резкой боли, прижимая к себе поцарапанную руку.

Вел, мысленно усмехаясь своей маленькой мести, чёрной молнией метнулся под защиту ближайших кустов. Оттуда он замер, наблюдая за развитием событий.

Староста тем временем яростно топал сапогами, отряхивая мокрые полы кафтана. Он уставился на Ксюшу налившимися кровью глазами:

— Ты что ж творишь, непутёвая?! Убрать ведра с прохода ума не хватило?! Совсем дурой из-за своих мороков стала! В девках засиделась, три года женихов найти не можешь, только дурью маешься! Никакого толку от тебя в доме, одна мягкость да лень!

Мужчина сыпал обидными, хлесткими словами, распаляя сам себя. Ксюша так и раскрыла рот от изумления и подступающей обиды. Её, городскую ухоженную девушку, никто никогда так не оскорблял! Да она вообще сделать ничего ещё не успела!

Внутри неё вспыхнул горячий городской характер. Ксюша вскочила с лавки, гордо выпрямив свой рост, и в ярости закричала прямо в лицо старосте:

— Да как вы смеете?! Это вообще-то мужская работа — тяжести таскать! Я девушка, а не грузчик на вокзале! Вам стыдно должно быть, бугаю такому, свою дочь заставлять вёдрами ворочать! Нормальные мужчины женщин берегут, а не орут на них с утра пораньше!

Староста от такой неслыханной дерзости онемел. В этой деревне ни одна дочь не смела повысить голос на отца, а уж тем более называть его «бугаем» и стыдить. Лицо мужчины пошло багровыми пятнами. Не помня себя от злости, он размахнулся и наотмашь стукнул её по щеке.

Хлесткий звон пощёчины разорвал тишину.

Удар был сильным. Ксюша отшатнулась, хватаясь за вспыхнувшую огнём щеку. Староста сам в шоке замер на месте, тяжело дыша и глядя на свою ладонь. Он явно не ожидал от себя такой вспышки насилия.

За кустами на границе рощи выпрямился в полный рост Велемир. Его человеческий облик снова соткался из тени. Зелёные глаза хищно сузились, а уши плотно прижались к голове. В груди духа кошмаров шевельнулось что-то странное, тёмное и злое. Он собирался мучить Любаву сам, но видеть, как её бьёт этот приземлённый смертный, ему почему-то стало невыносимо.

Из глаз Ксюши брызнули горькие, злые слёзы. Она бросила на старосту взгляд, полный такой чистой ненависти, что мужчина невольно отступил на шаг.

— Ненавижу вас... — глухо прошептала она.

Повернувшись, Ксюша бросилась прочь со двора по грунтовой тропе, не разбирая дороги из-за застилавших глаза слёз. На повороте у кузницы снова показался Володька. Заметив плачущую девушку, богатырь испуганно окрикнул её:

— Любаша! Что случилось?! Кто тебя обидел?!

Но Ксюша даже не повернула головы. Она пролетела мимо него диким вихрем, стремясь только к одному — спрятаться от всех. Тропинка стремительно сужалась, цивилизация исчезала, и девушка, сама того не замечая, на полной скорости углублялась в молчаливый, пугающий лес Нави.

Глава 4

Сухие ветки с треском ломались под ногами, нещадно царапая щиколотки, но Ксюша не останавливалась. Она бежала вглубь леса, не разбирая дороги, пока лёгкие не начало обжигать от нехватки воздуха. Тёмно-рыжий сарафан, который её так бесил, теперь казался неподъёмным, липким коконом. Наконец, силы окончательно покинули её. Споткнувшись о торчащий из земли узловатый корень, Ксюша с размаху полетела на сырую моховую кочку.

Удар выбил из неё остатки духа. Сидя на коленях посреди зловеще притихшей чащи, она закрыла лицо руками и горько, навзрыд расплакалась. От обиды, от жгучей боли на щеке и от абсолютного бессилия перед этим сумасшедшим миром.

Вдруг воздух вокруг стал ледяным. Ксюша вздрогнула и отняла ладони от лица. Из-за поваленных деревьев, бесшумно стелясь по земле, к ней начали стягиваться жуткие густые тени.

Велемир следовал за ней с самого двора старосты. Он и сам ещё не определился, зачем идёт: то ли проследить из чистого навьего любопытства, то ли посмотреть, как далеко уйдёт эта странная девчонка. Он был абсолютно уверен, что его никто не заметит. Местные смертные были слепы к магии и туману Морока, если только дух сам не желал им открыться.

Но Ксюша была другой. Она прекрасно видела этот неестественный, хищно закручивающийся тёмный туман.

Девушка испуганно округлила глаза, мгновенно подскочила на ноги и с диким криком ринулась прочь от подступающей тьмы.

Поняв, что девчонка его видит, Велемир опешил. Сердце духа пропустило удар. Хватит прятаться! Вел сбросил морок и мгновенно вернул свой истинный, человеческий образ. Чёрный кафтан, развевающиеся смоляные волосы и горящие зелёные глаза — теперь он преследовал её уже на своих двоих, совершая огромные, пружинящие прыжки по бурелому.

Заметив сзади высокого, невероятно бледного парня с кошачьими ушами и когтями, Ксюша испугалась ещё пуще. В её голове билась одна мысль: *«Монстр! Настоящий навский монстр!»*

— Стой! — громом разнёсся по лесу отчаянный голос Вела.

Он почти догнал её. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Велемир выбросил руку вперёд, его чёрные когти скользнули по грубой ткани и ухватили край её тёмно-рыжего сарафана. Дух резко потянул девушку на себя, пытаясь остановить.

Но было слишком поздно. Земля под ногами Ксюши внезапно обвалилась.

Ткань сарафана с треском вырвалась из пальцев Вела. Ксюша с коротким, оборвавшимся писком полетела вниз, переворачиваясь в воздухе. Раздался страшный, глухой хруст ломающихся костей. Тело Любавы, неестественно изогнувшись, замерло на самом дне тёмного оврага.

Велемир застыл на краю обрыва. Его грудь тяжело, прерывисто вздымалась. Вытаращив глаза от дикого, парализующего шока, он смотрел вниз.

В ту же секунду над ямой соткалось нечто невероятное. Ксюша вдруг почувствовала абсолютную, невесомую лёгкость. Боль исчезла. Приподнявшись, она с удивлением увидела, что её дух буквально вылетел из чужой плоти. Обернувшись, Ксюша со стороны посмотрела на лежащее внизу тело Любавы, которое больше не двигалось.

Вел, не смея пошевелиться, провожал застывшим взглядом светлые огоньки, начавшие медленно подниматься из ямы. И к его глубочайшему изумлению, огонька было два. Один — тусклый, серый, принадлежащий настоящей Любаве, поплыл в сторону чертогов упокоения. А второй — ослепительно яркий, тёплый, искрящийся золотым светом Правы, закружился

в воздухе прямо перед лицом чернокнижника. Это была чистая, непокорная душа Ксюши, которая отказалась умирать по правилам Нави.

Осознание содеянного ледяной волной накрыло Велемира. Любава мертва. А эта чужестранка... она превратилась в то, что его магия не способна разрушить. Задыхаясь от ужаса, вины и шока, повелитель кошмаров резко взмахнул руками и в ту же секунду с глухим хлопком испарился в воздухе, обратившись в испуганный чёрный туман.

Прошло три бесконечных, тягучих дня. Три дня деревню старосты лихорадило от пугающей, звенящей тишины. Ксюшин дух, соткавшийся из золотого огонька Правы, невидимой дымкой парил над домами, с удивлением наблюдая за тем, как её отсутствие перевернуло жизнь смертных.

На исходе третьих суток лес Нави наконец отдал свою страшную дань.

Нашёл её Володька. Парень трое суток не спал, прочёсывая буреломы, пока не наткнулся на роковую, заваленную сухими ветками яму. Сердце богатыря ухнуло куда-то в бездну, когда на самом дне он разглядел знакомый тёмно-рыжий сарафан. Ему и ещё двоим крепким деревенским парням пришлось спускаться вниз, чтобы на руках вытащить хрупкое, изувеченное тело. Володька бережно нёс покойную Любаву до самой избы старосты, а его широкие плечи мелко дрожали от подступающих слёз.

Возле дома уже собралась вся деревня. Когда тело опустили на лавку у крыльца, матушка Любавы закричала так, что у Ксюши, наблюдавшей за этим с ветки ракиты, сжалось невидимое сердце. Женщина упала на грудь дочери, рыдая громче всех и яростно колотя кулаками по плечам собственного мужа:

— Погубил! Ты её погубил, окаанный! Изверг! Дитя своё единственное со свету сжил! Зачем руку поднял, зачем накричал?!

Староста стоял рядом, бледный как полотно. Очки съехали набок, руки тряслись, а в глазах застыл такой дикий, первобытный ужас, что Ксюша едва узнала в нём тирана. Он и сам до безумия винил себя во всём, что натворил. Девчонка ведь от горя убежала, от обиды бросилась в чашу, не разбирая дороги... А ведь они её любили. Любили больше всего на свете, души в ней не чаяли, просто вечный страх и недосып ожесточили их сердца.

Вокруг шептались испуганные деревенские жители, испуганно крестясь:

— Это всё Морок... Морок навых снов её утянул! Совсем измаяли деревню эти кошмары, девки молодые гибнуть начали. Проклятое место, проклятый Велемир!

Володька стоял поодаль, прислонившись лбом к бревенчатой стене избы. Он не мог вымолвить ни слова, лишь судорожно глотал горький, застрявший в горле ком. В его душе бушевал настоящий ад. Ему ведь показалось, что у них только-только всё начало зарождаться. Любаша впервые улыбнулась ему так тепло, впервые извинилась, поцеловала в щеку...

«Надо было бежать за ней, — крутилось в его голове, пока по щекам катились крупные слёзы. — Надо было остановить, догнать, приголубить и защитить от отца... Дурак. Какой же я дурак!»

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ксюша-Дрёма мягко опустилась с ветки прямо к нему и невесомо, неощутимо прикоснулась призрачной ладонью к его плечу.

— Ты не виноват, Володя, — тихо прошептала она, зная, что он её не слышит. — Виноват один очень вредный, трусливый кот. И уж поверь, я заставлю его ответить за каждую твою слезинку.

Она обернулась в сторону чернеющего леса Нави, чувствуя, как внутри её новообретённой светлой души закипает праведный, обжигающий гнев. Время плакать прошло. Пора было открывать сезон охоты на Властелина лотка.

Глава 5

После того как два огонька разделились над роковой ямой, Ксюша оказалась в странном, подвешенном состоянии. Её душа, вопреки всем законам логики, не рванула обратно в Явь, в её родное тело на чердаке. Она застряла посреди бескрайнего, туманного леса Нави. Ксюша была ни живой, ни мёртвой — чем-то средним, застывшим между осязаемым миром и вечной пустотой.

Она часами бродила среди вековых искривлённых деревьев, тщетно пытаясь найти обратную дорогу к бабушкиному зеркалу, пока чаща вокруг неё не зашептала десятками невидимых голосов. Воздух сгустился, и прямо над её ухом раздался глубокий, вибрирующий гул, шедший от самой земли:

«Ты не вернёшься, пока не выполнишь поручение, чужестранка. Небосвод Яви истончается. Надвигается истинная Бяда, и ты должна помочь живым. Защити их сны от Морока, склей то, что разрушено».

У Ксюши не было выбора. Не успела она возмутиться, как её призрачное тело пронизала резкая, обжигающая волна боли. Каждая клетка её новой сущности завибрировала. Когда эта вспышка утихла, Ксюша ахнула, схватившись за грудь. Мир вокруг неё изменился. Нависнув над приграничной деревней смертных, она вдруг начала чётко видеть разноцветные сияния над головами спящих людей. Она физически чувствовала их сокровенные желания, их потаённые страхи, а самое главное — перед ней, точно на огромных экранах, открылись чужие сновидения. Она видела каждый сон, каждую деталь подсознания живых.

Вначале Ксюша была абсолютно уверена, что всё это временно. Она наивно полагала, что Любаша вот-вот очнётся в овраге, и всё вернётся на круги своя. Но бесплотные духи леса, шурша палой листвой, безжалостно открыли ей страшную правду:

«Любава не очнётся. Её огонь угас задолго до того, как ты перешагнула порог зеркала. Душа живого не может занять тело другого живого человека, ведь ты же не икотка — не злой дух-паразит, чтобы выселять кого-то из плоти. Когда тебя перетащило сквозь стекло, Любаша уже была мертва».

Ксюша замерла, ошеломлённая этой новостью. Оказалось, несчастная дочка старосты просто не выдержала. Измученная вечными, изошрёнными ночными кошмарами Велемира, уставшая от тирании отца и серой, безрадостной жизни, Любаша сама приняла роковое решение. Она добровольно шагнула в ту бездну, оборвав свою земную нить от невыносимых страданий. А Ксюшина душа просто заняла пустой, ещё тёплый сосуд.

— Ну и дура ты, Любашка... — Ксюша горько вздохнула, глядя на то место, где Володька оплакивал пустую оболочку девушки. — Ну какая же ты дура. Из-за какого-то ушастого кошачьего выродка так глупо со своей жизнью расстаться...

Она крепко сжала кулаки. Теперь её призрачные карие глаза горели не просто обидой, а осознанной, глубокой решимостью. Если Навь дала ей эту силу и миссию Дрёмы, она покажет Властелину лотка, что бывает, когда коты заигрываются с чужими жизнями.

Приняв свою новую судьбу, Ксюша медленно побрела обратно вглубь Навьего леса. С каждым шагом туманная призрачная дымка вокруг неё уплотнялась, тяжелела, пока наконец её дух снова не обрёл привычный, абсолютно человеческий облик. Она снова могла осязать траву под ногами, чувствовать прохладу воздуха и... тяжесть своих роскошных чёрных волос, которые шёлковым водопадом рассыпались по плечам до самой поясницы. Рыжего сарафана на ней больше не было — магия Дрёмы соткала для неё простое светлое платье, но характер Ксюши остался прежним.

Она остановилась под раскидистой вековой сосной, пытаясь разобраться в новых способностях и вибрирующих в груди чарах Правы.

«Ток!» — вдруг раздался звонкий, хлёсткий удар прямо по макушке.

— Ай! — Ксюша испуганно подпрыгнула, хватаясь за голову, и сердито прищурилась, глядя под ноги. В траву с тихим шорохом покатила крупная, увесистая сосновая шишка.

— Ну и треш! — возмущённо буркнула Ксюша, потирая ушибленное место. — Местные белки совсем берега попутали? У вас тут что, сезон охоты на попаданок открылся? Я вам сейчас так по хвосту настучу, мало не покажется!

Она сердито задрала голову вверх, готовясь высказать древесным грызунам всё, что думает об их меткости, но слова мгновенно застряли у неё в горле.

На толстом суку, вальяжно свесив одну лапу вниз, сидел тот самый огромный чёрный кот с неестественно яркими, светящимися в полумраке зелёными глазами. Велемир, сбежавший три дня назад в полном ужасе, всё это время кружил неподалёку, мучимый странным, незнакомым чувством вины. Он был уверен, что девчонка погибла, но увидеть её здесь — живой, здоровой, да ещё и в истинном человеческом облики черноволосой красавицы — стало для него очередным шоком.

Заметив, что Ксюша его обнаружила, кот хищно прищурился. На его морде отразилась такая неприкрытая, мысленная усмешка, что Ксюше сразу стало понятно: шишка прилетела абсолютно намеренно. Его аккуратные чёрные кошачьи уши на макушке издевательски дёрнулись, словно парень в кошачьей шкуре безмолвно говорил: «Ну и что ты мне сделаешь, смертная?».

Ксюша упёрла руки в бока, и её глаза опасно блеснули:

— Ах, так это ты, «Базилио»? — протянула она, и на её губах появилась предвкушающая, чисто Ксюшина ехидная улыбка. — Властелин лотка вышел на тропу войны? Ну держись, ушастый. За Любашу, за Володьку и за эту шишку ты у меня сегодня ночью будешь отрабатывать по полной программе. Посмотрим, как ты запоешь, когда твои хорроры превратятся в цирк шапито!

Кот лениво потянулся на толстой ветке, и его зелёные глаза опасно блеснули. В следующую секунду чёрный силуэт подёрнулся густым туманом, который тут же опал к корням сосны. На траву перед Ксюшей мягко, с чисто кошачьей грацией прыгнул высокий, статный красавец.

Длинные смоляные волосы скользнули по его широким плечам, приталенный чёрный кафтан сидел идеально, а тяжёлый золотой пояс тускло поблёскивал в сумерках Нави. Аккуратные чёрные кошачьи уши на макушке слегка вздрогнули, когда он сделал к ней шаг, хищно перебирая пальцами с острыми чёрными когтями.

— Меня зовут Велемир, чужестранка, — его голос прозвучал низко, с чарующей, бархатной хрипотцой. Он склонил голову набок, с ног до головы разглядывая её высокую модельную фигуру и роскошные волосы до поясницы. — Высший дух кошмаров и хозяин этих земель. А вот кто ты такая?.. Как твоя душа уцелела и почему ты видишь Морок?

Ксюша даже не шелохнулась. Она упрямо вздёрнула безупречный подбородок, глядя прямо в его зелёные колдовские глаза своими глубокими карими:

— А я — твой кошмар, — хлёстко, без тени страха отчеканила она, обжигая его взглядом. — Новый закон порядка в этой деревне. Считай, что у спящих появился личный адвокат. И чем быстрее мы закончим с этим бредом, тем быстрее я вернусь домой в свой мир. Поэтому давай, повелитель лотка, завязывай со своей дурью. Перестань насылать на людей ужасы ради весёлых картинок, иначе я за себя не ручаюсь! Оторву уши и глазом не моргну.

Велемир на секунду опешил от такой дерзости, а его чёрные ушки от возмущения мгновенно прижались к голове. Ни одна живая душа в Нави не смела так с ним разговаривать! Но вместо гнева на его красивых губах медленно расплылась издевательская, хитрая усмешка.

Он резко сократил расстояние между ними, обдав её умопомрачительным ароматом ночной прохлады. Прежде чем Ксюша успела отшатнуться, Вел обманчиво мягко положил длин-

ный палец со зловещим чёрным когтем ей под подбородок, заставляя её смотреть только на него.

— Смелая птичка, — тихо прошептал он, и его зрачки сузились в тонкие щёлочки. — Но в Нави действуют мои правила. И, как по мне... оранжевый цвет шёл тебе куда больше.

Велемир картинно и громко щёлкнул пальцами другой руки.

Воздух вокруг Ксюши крутанулся тёплым вихрем. Её простое светлое платье мгновенно растаяло, а тело укутал плотный, тяжёлый материал. Опустив взгляд, Ксюша едва не задохнулась от праведного гнева. Магия Вела сотворила идеальную иллюзию: на ней снова красовался роскошный, длинный тёмно-рыжий сарафан, расшитый искусными славянскими узорами по подолу. Он идеально подчёркивал её тонкую талию и высокий рост, но сам факт кошачьего произвола выбесил её до предела.

— Ты... Ах ты кошачий выродок! — прошипела Ксюша, сжимая кулаки, пока в её руке сама собой начала концентрироваться яркая светящаяся сфера — искра чистой магии Правы.

Велемир лишь торжествующе рассмеялся, мгновенно растворившись в воздухе и оставив после себя шлейф чёрного тумана.

Глава 6

Ночь опустилась на приграничную деревню Яви, укрыв притихшие избы густым чернильным покрывалом. Для Ксюши, соткавшейся посреди Навьего леса, это время суток теперь выглядело совершенно иначе. Она стояла на холме, глядя на спящие дома смертных, и хмурилась. Воздух буквально пронзали сотни тонких, клубящихся тёмных линий — они тянулись от изнанки мира прямо к крышам изб, затапливая подсознание людей липким страхом. Это были мороки Велемира. Самая жирная, пульсирующая фиолетовыми искрами линия вела напрямик к дому трусливого старосты.

Ксюша решительно шагнула вперёд. Её новый, наколдованный Велом тёмно-рыжий сарафан с узорами шуршал по призрачной траве, а длинные чёрные волосы развевались на несуществующем ветру. Стоило ей мысленно потянуться к фиолетовой линии, как мир вокруг мгновенно перекрутился, затягивая её внутрь чужого подсознания.

Она оказалась посреди жуткого, леденящего кровь сна старосты. Вокруг выл могильный ветер, а из гнилого навьего болота к застывшему от ужаса мужчине тянулись костлявые руки восставших упырей.

— Так, мертвецы на ужин — это банально и нестильно, — проворчала Ксюша, сжимая кулаки.

Она попыталась задействовать свою светлую магию Прави, чтобы переписать этот хоррор-сюжет. Ксюша искренне хотела превратить упырей во что-то весёлое — например, в поющих бабушек с пышными оладушками. Но она пока совершенно не понимала, как управлять этой вибрирующей в груди силой. Магия Прави сорвалась с её пальцев дикой, непослушной волной, и с первого раза у неё абсолютно ничего не получилось.

Вместо доброго сна подсознание старосты превратилось в полнейшую, безумную кашу. Упыри никуда не исчезли, но на них внезапно налезли кружевные фартуки, в руках появились сковородки, а вместо зловещего воя они начали хором, фальшиво орать частушки, попутно пытаясь затащить несчастного старосту в трясину. Староста во сне забился в ещё большей панике, не понимая, почему мертвецы хотят сварить из него варенье.

— Что-то у тебя не очень интересные сны получаются, — вдруг раздался обманчиво мягкий, насмешливый шёпот прямо у неё за спиной.

Ксюша вздрогнула. Велемир подошёл бесшумно, возникнув из сонного тумана, и склонился так близко, что его дыхание опалило её ухо. Аккуратные чёрные кошачьи уши духа забавно вздрогнули от явного превосходства. Взмахнув рукой с острыми когтями, Вел щёлкнул пальцами, и его магия мгновенно уничтожила Ксюшину кашу, наведя во сне ещё больше первобытной, леденящей жути. Небо сна раскололось, а упыри превратились в гигантских теневых монстров.

— Ты просто чудовище! — в ярости проговорила Ксюша, резко обернувшись, и от неожиданности треснулась с ним нос к носу.

Они замерли в паре сантиметров друг от друга. Зелёные кошачьи глаза Вела весело блеснули, встретившись с её пылающими карими.

— Я не чудовище. Я великий сказочник сновидений, — самодовольно усмехнулся он, вальяжно скрестив руки на груди. — А вот ты кто? Буду звать тебя Птичкой. Прилетела не пойми откуда, крыльями машешь, а имени даже нет.

— Я Ксюша! — сердито прошипела она прямо ему в губы.

— Очень неприятно познакомиться, Ксюша, — проговорил он с изысканным поклоном, снова обдавая её своим дыханием.

Ксюша невольно замялась. От этого вредного чернокнижника пахло удивительно приятно — морозной хвоей, ночной прохладой и диким предрассветным ветром. Но говорить

этому самовлюблённому коту она ничего, конечно же, не стала. Ксюша изо всех сил упёрлась ладонями в его широкую грудь, резко оттолкнула от себя и брезгливо сморщила нос:

— Помойся иди, Вась! Пахнет от тебя как от мокрой псины после дождя!

Развернувшись, Ксюша гордо зашагала прочь из разрушающегося сна старосты, изо всех сил стараясь держать осанку. Её спину жёг его насмешливый взгляд, а внутри всё кипело от досады. Ксюша прекрасно понимала, что эту первую битву во сне ей удержать не удалось, но она твёрдо пообещала себе, что завтра ночью этот кошачий выродок будет лично плясать под её дудку.

Велемир застыл посреди растворяющегося подсознания старосты, словно его громом поразило. Чёрные кошачьи уши на его макушке в ужасе встали торчком, а затем медленно, оскорблённо прижались к голове.

— Псиной?.. От меня?! — прошипел он в пустующее пространство сна. — Да как у этой смертной язык повернулся?!

Очнувшись в своём великолепном замке из чёрного навьего камня, высший дух кошмаров не находил себе места. Весь день его привычное вековое величие трещало по швам. Вел мерил шагами пустые гулкие чертоги, нервно дёргая хвостом в своей кошачьей ипостаси, то и дело принимая человеческий облик только ради того, чтобы уткнуться носом в широкий рукав собственного кафтана.

Он судорожно втягивал воздух, нюхал воротник, расшитый серебром, и злился на Ксюшу всё сильнее. Навья магия Нави всегда пахла безупречно — морозным утром, ночным туманом, полуночной свежестью и лёгким ароматом горьких трав. Никаких собак в его родословной и близко не стояло! Откуда вообще эта невыносимая брюнетка взяла такое сравнение?!

— Принесите мыльнянку! И наберите бочку ключевой воды из ледяного источника! Живо! — рычал Велемир на перепуганных слуг-псишей, которые с пискom разбежались по углам замка.

В итоге повелитель Морока просидел в усыпанной сушёной лавандой и мятой купели рекордные три часа, судорожно оттирая бледную кожу и вычищая свои длинные чёрные когти. Он расчёсывал пряди смоляных волос костяным гребнем, продолжая мысленно проклинать высокую девчонку в оранжевом сарафане. Её дерзость превосходила все мыслимые границы. Смертные должны были дрожать от одного его имени, умолять о пощаде, просыпаться в холодном поту! А она... она просто растоптала его безупречный готический имидж одной бытовой фразой.

Когда сумерки снова начали сгущаться над изнанкой мира, Вел стоял у высокого замкового окна, затягивая на узких бёдрах тяжёлый золотой пояс. Его зелёные глаза горели опасным, мстительным огнём. Он пах так, словно его искупали в элитном парфюмерном магазине, смешанном с хвойным лесом.

— Ну держись, Ксюша, — проворчал он, выпуская когти, которые со зловещим скрежетом прошлись по каменному подоконнику. — Сегодня ночью я лично создам для тебя ловушку. Посмотрим, как ты заговоришь, когда поймёшь, что великого Баюна невозможно переспорить на его собственной территории.

Глава 7

Вторая ночь в Нави принесла Ксюше долгожданную уверенность. Целый день она провела на глухих лесных полянах, заставляя упрямую искру в своей груди подчиняться. Магия то покалывала пальцы, то мягко вибрировала, согревая душу. Ксюша научилась собирать этот свет в плотный золотистый комок. Она была готова к реваншу.

Сегодня пульсирующая тёмная нить Морока вела её в подсознание добродушного, но ужасно трусливого кузнеца.

Велемир ждал её там. Он подошёл к делу с утончённой кошачьей мстительностью. Вел соткал вокруг кузнеца хитрую сонную ловушку — грандиозный, монолитный лабиринт из клубящегося чёрного тумана. Кузнец во сне безнадежно блуждал среди этих мрачных стен, спасаясь от призрачных наковален, летящих в его голову.

Ксюша эффектно шагнула в сон, на ходу зажигая на ладони золотую искру:

— Ну что, Васька, поиграем?

Она замахнулась, пытаясь превратить летящие наковальни в мягкие диванные подушки. Но магия Прави снова повела себя своенравно. С первого раза исправить хоррор не получилось: наковальни послушно превратились в подушки, но те оказались набиты тяжёлыми булыжниками. Они с грохотом посыпались на землю, едва не придавив несчастного ремесленника. Сон кузнеца опять закоротило, превращая в кашу.

Ксюша раздосадованно цыкнула и сделала шаг назад, чтобы перегруппироваться, но совершила фатальную ошибку. Она чисто случайно затылком влетела прямо в туманную стену велемирова лабиринта.

Тьма мгновенно сомкнулась над её головой. Пространство перевернулось. Ксюша оказалась заперта в глухом, непроницаемом коконе из чёрной дымки. Она в панике заметалась из стороны в сторону, выставив вперёд руки, но туман лишь липко хватал её за плечи. Со всех сторон из темноты раздался тихий, бархатный, торжествующий кошачий смех.

Вел снова соткался прямо у неё за спиной. Склонившись к самому уху, он обдал её кожу дыханием и сладострастно прошептал:

— Тебе не хватит сил бороться со мной, Птичка. Это мой мир.

Ксюша от неожиданности испугалась, её сердце бешено забилося, но паника быстро уступила место фирменному упрямству. Вместо того чтобы заплакать, она резко развернулась, вскинула руку и ухватила Велемира за воротник кафтана прямо на груди.

Они снова оказались нос к носу в паре сантиметров друг от друга. Зелёные кошачьи глаза духа ошарашенно округлились — он явно не ожидал такого захвата.

— Я научусь, уж поверь! — яростно прошипела она ему прямо в губы.

А затем Ксюша шумно повела носом, принюхиваясь, и удивлённо дёрнула уголком губ. До её рецепторов донёсся мощный, концентрированный шлейф лаванды, мяты и морозной хвои. Дух пах так, словно его насильно прополоскали в чане с освежителем воздуха. Ксюша всё поняла. На её лице расплылась издевательская, победная усмешка:

— Ну и воняет же от тебя! Хотел исправить вчерашний косяк, да не вышло? Так и знала, что все лохматые воняют, терпеть поэтому котов не могу. От вас пользы ноль, только сами себя вылизываете где попало весь день, фу!

Велемир от такой вопиющей несправедливости буквально опешил, захлопав длинными ресницами. Его чёрные кошачьи уши на макушке оскорблённо встали торчком.

Пользуясь его ступором, Ксюша резко разжала пальцы, с победным смешком крутанулась на месте и мгновенно растворилась, сбежав из сна кузнеца в глубь Навьего леса. Лабиринт растаял.

— Ничего я не вылизываю! — дико, во весь голос крикнул Вел в опустевшее пространство сна, сжимая кулаки в бессильной ярости. Его бледные щеки покрылись пунцовым румянцем гнева. — Ну... ты... язвительная смертная!

Он тяжело задышал, глядя в точку, где только что стояла высокая черноволосая девчонка, и его зрачки сузились до опасных вертикальных нитей:

— Я научу тебя любить животных, Птичка... Ты у меня ещё замурлычешь!

Велемир в человеческом облике яростно мерил шагами лесные тропы Нави, распугивая призрачных светлячков взмахами своего кафтана. Его уши сердито ходили ходуном, а когти то и дело со скрежетом сжимались в кулаки.

— Вылизывают где попало... — обиженно бурчал он себе под нос, пиная несчастную сосновую шишку. — Это что она вообще имела в виду? Какая несусветная глупость! Я — высший дух, а не дворовая помойная кошка! Моя гигиена безупречна!

Однако слова язвительной Ксюши занозой засели в его гордой кошачьей голове. Не выдержав ментальных терзаний, Вел тайно вернулся на границу Яви и принялся бесшумно бродить по деревне, пристально наблюдая за местными кошками и котами.

Вот на завалинке мирно спал серый пушистый увалень. Вот на крыльце рыжий котяра старательно умывал мордочку, смачивая лапу слюной.

«Ну и что тут такого? Обычное дело, аккуратность», — высокомерно подумал Велемир, уже готовый мысленно праздновать победу над Ксюшиными глупыми домыслами.

Но в этот момент его взгляд упал на соседский забор. Там вальяжно развалился здоровенный пятнистый кошара. Животное внезапно замерло, без всякого стеснения задрало одну заднюю лапу вертикально вверх, приняв позу заправской балерины, и принялось с глубоким усердием и громким чавканьем намыывать себя... во всех самых интимных и неположенных местах.

Велемир замер. Его глаза буквально вытаращились от шока и подступающего ужаса. Он оцепенел, созерцая эту картину анатомической правды жизни.

— Да я... Да я в жизни так не делаю! — в полном шоке забормотал он вслух, отшатываясь от забора. — Макошь упаси, у меня даже растяжки такой нет! Она что, думает, будто я...

— Я никому не скажу, — вдруг раздался тихий, залиvistый девичий смех прямо у него над ухом.

Вел испуганно вздрогнул всем телом, едва не подпрыгнув на месте, и резко перевёл взгляд вбок. Рядом с ним, облокотившись на плетень, стояла Ксюша. Её роскошные волосы переливались в лунном свете, карие глаза весело искрились. Она вовсю потешалась над его багровеющим от стыда и злости лицом.

— Ну ты и извращенец, Ярик, — прыснула она в кулак, кивая на кота-балерину. — За руку тебя поймали.

— Ах ты!.. — взревел Велемир.

Он в ярости выкинул руку вперёд, пытаясь дёрнуть её за рукав, чтобы запереть в туманную ловушку и заставить взять свои слова назад. Но его пальцы схватили лишь пустоту. Ксюша, тихо хихикая, мгновенно растаяла в воздухе, обратившись золотистой искрой. Битва за его достоинство была проиграна в пух и прах, оставив духа кошмаров наедине с грязными подзрениями и очень чистоплотным деревенским котом.

Велемир в человеческом обличье ещё несколько секунд переводил ошарашенный взгляд со свободного забора, где только что исчезла Ксюша, на пятнистого кота. Животное, ничуть не смущаясь присутствия высшего духа, продолжало свою усердную балетную гигиену.

— Срамota! — в сердцах рявкнул Вел, всплеснув руками.

Он злобно зыркнул на кота, отчего тот испуганно мяукнул, кувыркнулся с забора и скрылся в лопухах. Сам же чернокнижник мгновенно соткался в густой, обиженный чёрный

туман и со свистом рванул обратно в глубь изнанки мира, возвращаясь в свой пустой замок из чёрного камня.

Очнувшись в тёмном тронном зале, Вел упрямо шагнул из угла в угол, на ходу затягивая на бёдрах тяжёлый золотой пояс. Его глаза метали настоящие молнии. Ему больше не было просто скучно — его вековая гордость полыхала синим пламенем. Дух кошмаров жаждал реванша. Из-за этой длинноволосой брюнетки в оранжевом сарафане он чувствовал себя полным дураком, и это требовало немедленного выхода силы. Магический туманный шарик Морока сам собой сооткался между его ладоней, бешено пульсируя фиолетовыми искрами.

— Ах, значит, я лохматый и бесполезный? — шипел Велемир, выпуская острые когти. — Значит, от моих кошмаров толку ноль? Прекрасно. Пусть знает, что из-за её длинного языка теперь будут страдать другие. Это будет моя идеальная ей месть! Посмотрим, как она запоёт, когда её «подопечные» начнут выть от ужаса!

Вел хищно прищурился, и в его голове мгновенно всплыло воспоминание о утре. Перед глазами за занавесом сна встало лицо этого нелепого, пшеничного богатыря у колодца. В памяти духа удушливой волной поднялся тот самый момент, когда Ксюша приподнялась на носочки и звонко чмокнула парня в щеку, заставив того покраснеть до ушей.

Зелёные зрачки Велемира сузились в опасные вертикальные нити. В груди шевельнулось странное, жгучее и совершенно незнакомое ему чувство, похожее на кошачью ревность, которую он тут же раздавленной змеей попытался спрятать поглубже.

— Володька... — процедил чернокнижник сквозь зубы, и его аккуратные уши мстительно прижались к макушке. — Месть за поцелуй, богатырь. Сегодня ночью ты увидишь такой кошмар, от которого у тебя вся твоя пшеничная шевелюра разом поседеет. А ты, Птичка... попробуй его спасти!

С диким, торжествующим хохотом Вел швырнул огромный туманный шар прямо в зеркальную гладь навьего омота, направляя сокрушительный ужас прямоиком в подсознание спящего кузнечного помощника.

Глава 8

Сон Володьки начинался как прекрасная, хрустальная сказка. Он видел себя на том самом лугу у колодца. К нему навстречу медленно шла Ксюша — в омороченном облике Любаши, с роскошными смоляными волосами до поясницы и в тёмно-рыжем сарафане с золотыми узорами. Девушка ласково улыбалась, приподнималась на носочки и раз за разом звонко целовала богатыря в щеку. Она заливисто смеялась и нежно шептала: «Володенька, глупая я была, дурочка... Полюбила я тебя, косая сажень в плечах!»

Окрылённый Володька, сгорая от странного волнения, смущённо тянулся к её губам за настоящим поцелуем... И в этот момент сочный кошмар Велемира вступал в свою законную силу.

Пространство сна резко обдало ледяным навьем холодом. Лицо черноволосой красавицы на глазах Володьки начало уродливо раздуваться, покрываясь отвратными, багровыми прыщами и гнойными ямками. Вместо шёлкового голоса Ксюши раздалось жуткое, утробное шипение. Измождённая, страшная девица мёртвой хваткой вцепилась богатырю в плечи, пытаясь поцеловать его своими гнилыми губами. Володька в ужасе закричал, пытаясь вырваться из этого омерзительного плена, но туман Морока намертво сковал его движения.

— Получи, соперник пшеничный, — злорадно прошептал Велемир, наблюдая со своей привычной позиции — у высокой туманной стены сна. Его чёрные кошачьи уши победно встали торчком.

— Рано радуешься, Властелин лотка! — раздался звонкий, уверенный голос с противоположной стороны сновидения.

Вел резко обернулся и нахмурился. На другом краю затухающего луга стояла Ксюша. Её карие глаза пылали праведным гневом, а длинные волосы развевались. Она изо всех сил постаралась собраться с мыслями, вспоминая все свои дневные тренировки в лесу. На её раскрытой ладони мгновенно сооткался плотный, ослепительно сияющий золотой шарик — искра чистой магии. Ксюша грозно посмотрела на кошачьего духа, что-то быстро прошептала над сферой и резким, выверенным движением отправила её напрямик в разум испуганного Володьки.

Золотая волна с глухим щелчком врезалась в сюжет Велемира, и кошмар за секунду переписался самым неожиданным образом.

Жуткая прыщавая девица в руках Володьки внезапно растаяла. Вместо неё богатырь обнаружил, что сжимает в объятиях совершенно другую деревенскую девчонку — Анастасию, дочку местного пастуха. Настя была признанной красавицей: статная блондинка с длинной светлой косой и небесно-голубыми глазами. Оказавшись в крепких руках Володьки, напуганная блондинка испуганно замерла, мгновенно покраснела от смущения и робко, едва слышно прошептала: «Володенька...»

Володька замер, ошарашенно рассматривая её. Наваждение Любаши внезапно спало с его глаз, уступив место искреннему, земному восхищению. Недолго думая, богатырь крепко прижал к себе смущённую Настю и от души поцеловал её в губы. Сон Володьки мгновенно окрасился в розовые, невероятно счастливые тона.

Велемир от такого поворота событий буквально потерял дар речи. Его глаза округлились до размеров чайных блюдец.

Он отчаянно замахал руками, выпуская чёрные когти и судорожно рассеивая сонный туман, чтобы прекратить это слащавое безобразие. Разрушив сновидение, Вел уставился на Ксюшу яростным, буравящим взглядом:

— Что это за розовые сопли?! Что за слащавые картинки, женщина, ты с ума сошла?! Я готовил великую драму о предательстве и уродстве, а ты устроила тут дешёвую мелодраму с пастушьей дочкой!

Ксюша лишь победно, ослепительно улыбнулась ему:

— Учись, Базилио. Парню нужна реальная любовь, а не твои бредни. Пока-пока, котик!

И, прежде чем Велемир успел наколдовать ловушку, Ксюша с весёлым смехом мгновенно исчезла из сна, оставив повелителя Морока одного посреди ключев фиолетового тумана.

Для Велемира эта ночь превратилась в настоящий кошмар наяву — точнее, во сне. Потерпев сокрушительное поражение в разуме Володьки, дух Морока попытался отыгаться на других жителях деревни. Он метался от избы к избе, яростно швыряя фиолетовые туманные сферы, но Ксюша следовала за ним по пятам как неотступная светлая тень.

За одну эту ночь ей удалось ловко и изящно исправить целых три сна.

В подсознании знахарки жуткий волк-людоед стараниями Ксюши внезапно превратился в пушистого шпица в нелепом комбинезоне. Во сне трусливого старосты кровавый дождь из Нави обернулся водопадом из сладкого ягодного киселя. Ксюша действовала всё увереннее. Золотая искра на её ладони слушалась каждого мимолётного движения пальцев.

Последней точкой их ночного противостояния стал сон старого мельника. Велемир, злой и взмыленный, стоял на вершине призрачной водяной мельницы, готовя финальный, самый страшный удар. Но Ксюша соткалась прямо перед ним. Одним мягким взмахом руки она развеяла его туман, превратив мрачные жернова в гигантские колеса швейцарского сыра.

— Ну всё, Васька, на сегодня шоу окончено. Смена сдана, — победно улыбнулась она, делая шаг назад.

Велемир, окончательно потеряв контроль над собой, шагнул вперёд и отчаянно выкинул руку. Он хотел схватить её, запереть, заставить замолчать. Но Ксюша с весёлым смехом уже растворялась в воздухе. Пальцы чернокнижника поймали лишь пустоту, но в самый последний миг он успел коснуться кончиков её роскошных, гладких чёрных волос, которые шёлковой волной скользнули по его ладони.

Сновидение мельника окончательно растаяло, выбросив Велемира обратно в реальность Навьего леса.

Дух кошмаров замер под вековой сосной, тяжело дыша. Он медленно опустил руку и посмотрел на свои ладони, на которых всё ещё проступало фантомное ощущение тепла от её смоляных прядей. В его груди заворочалось странное, пугающее и совершенно незнакомое чувство. Оно росло диким кошачьим клубком и лишало его привычного ледяного покоя.

Эта высокая, статная девчонка из Яви одновременно дико раздражала его и... восхищала. Она училась с пугающей скоростью. Она ловко, одним щелчком пальцев ломала его вековые туманы, превращая их в комедию. И самое главное — она совершенно, ни капли его не боялась, продолжая сыпать колкими, дерзкими фразочками прямо ему в лицо. Ни один дух Нави, ни один грозный обитатель изнанки никогда не вёл себя с ним так на равных.

Вел прикрыл глаза, а его чёрные уши на макушке тихонько опустились. В его мыслях образ Ксюши, окутанный золотым сиянием и шёлком длинных волос, засиял совершенно иначе. Она больше не была безликой «Любавой» или глупой смертной.

— Ночная птица... — тихо прошептал он в пустую темноту леса, и его голос сорвался на хриплый кошачий вздох. А затем, помолчав, он добавил ещё тише, пробуя слово на вкус: — Моя ночь.

Глава 9

Вел окончательно понял: бегать за ней во снах — дело гиблое. Эта невыносимая брюнетка с каждым разом становилась всё сильнее. Ей нужно было заняться днём, поймать её в лесу Нави и силой утянуть в замок. Устроить настоящий домашний арест! Чтобы сидела под его личным присмотром, вышивала крестиком и не смела совать свой красивый нос в его идеальные туманы морока.

Вот только составить план оказалось куда проще, чем воплотить его в жизнь.

Весь следующий день Навий лес превратился в арену для самого позорного сафари в истории изнанки. Велемир, используя всю свою кошачью грацию и магию Морока, бесшумно подкрадывался к Ксюше со спины. Стоило ему выпустить чёрные когти и сделать финальный прыжок, как высокая девчонка с тихим смешком... просто испарялась в воздухе золотистой искрой.

— Да чтоб тебя черти драли! — в пятый раз рывкнул Вел, когда его пальцы вместо шёлковых чёрных волос поймали пустоту и колючую сосновую ветку.

Обернувшись, он обнаружил, что Ксюша уже преспокойно стоит на противоположной стороне лесной поляны. Она зло сощурила глаза и сердито скрестила руки на груди:

— Так, перестань паясничать, котик! Слышишь меня? Мне домой пора! У меня там нормальная человеческая жизнь, джинсы, кофемашина и кастинги, а не твой дремучий заповедник с упырями! Поиграли в Дрёму и хватит, возвращай меня обратно к зеркалу!

Велемир, потирая ушибленный о дерево локоть, лишь ехидно, обворожительно улыбнулся. Его глаза заискрились чистым вредством. Он вальяжно опёрся плечом о ствол сосны:

— Ну так возвращайся, Птичка. Разве я против? Иди, ищи дорогу к своему стёклышку. Навь большая, дикая, авось лет через сто как раз к какому-нибудь болоту и выйдешь.

Ксюша возмущённо выдохнула, и её щёки покрылись очаровательным румянцем гнева. Она сделала шаг назад, и вокруг её ладони снова закружилась опасная золотая вибрация.

— Плохой... Очень плохой котик, — ледяным, обещающим крупные неприятности тоном проговорила она.

Велемир хищно подобрался и сделал резкий шаг к ней, намереваясь всё-таки перехватить её за талию, но Ксюша мгновенно растворилась в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий, дразнящий аромат ванили. Охота снова провалилась, а дух кошмаров остался стоять посреди поляны.

Наступившая ночь принесла с собой странную, липкую духоту, которая тяжёлым саваном легла на деревню смертных. Велемир, уставший от дневного позора в лесу, горел желанием вернуть себе статус главного чудовища изнанки. На этот раз он выбрал жертву наугад — подсознание старого деревенского пасечника.

Вел соткался посреди сна, представлявшего собой залитую солнцем пасеку, и взмахом руки превратил мирных пчёл в рой крошечных огнедышащих драконов с костяными крыльями. Дух кошмаров хищно оскалился, его чёрные кошачьи уши победно дёрнулись, а пальцы с чёрными когтями задумчиво прошлись по тяжёлому золотому поясу. Он ждал её.

Ксюша не заставила себя долго ждать. Она эффектно шагнула на пасеку, шурша своим длинным тёмно-рыжим сарафаном.

— Серьёзно, Ярик? Драконы-переростки? — Ксюша язвительно выгнула бровь и скрестила руки на груди. — У тебя что, творческий кризис после лавандовых ванн случился? Ну-ка, посторонись, сейчас я добавлю этой пасеке немного стиля.

Она уже занесла руку, концентрируя на ладони привычную золотую искру Правы, и они с Велом начали привычно, шумно спорить, перебрасываясь колкостями, как вдруг... сон резко остановился.

Огненные драконы замерли в воздухе, словно вкопанные. Солнечный свет пасеки в одно мгновение померк, сменившись грязным, мертвенно-серым полумраком. Ксюша осеклась на полуслове, почувствовав, как её призрачные карие глаза закололо от резкого холода. Трава под их ногами со свистом покрылась толстой коркой льда, а воздух стал настолько ледяным, что дышать стало физически больно.

— Что за... — Велемир мгновенно подобрался, его зелёные глаза сузились до тонких вертикальных нитей, а уши испуганно и злобно прижались к голове. Он выставил вперёд руку, окутанную фиолетовым Мороком, но тёмная магия Нави начала испуганно гаснуть под напором чужого, потустороннего холода. — Это не мой сон.

— И не мой...

Пространство пасеки с жутким хрустом начало трескаться, как разбитое стекло. Из глухого ледяного тумана, который лавиной хлынул в сновидение, медленно соткался высокий, пугающе худой силуэт.

Это была Мара-Пожирательница.

Её полуистлевший саван цвета грязного подтаявшего снега волочился по обледенелой земле. Лицо чудовища было полностью скрыто за маской из сухих человеческих костей, из-под которой выбивались длинные, седые волосы, похожие на липкую паутину. Вместо пальцев у неё мерцали длинные ледяные иглы, которыми она со скрежетом пошевелила, уставившись на застывших своими пустыми, чёрными глазницами.

— Живые сны... Сладкие сны... — раздался скрежещущий, замогильный голос Мары, от которого подсознание пасечника вокруг них закричало от первобытного ужаса. — Я пришла забрать то, что принадлежит бездне. Вы двое — лишь песчинки на моём пути.

Ксюша тяжело сглотнула, чувствуя, как магия внутри неё тревожно завибрировала. Беда, о которой предупреждали лесные духи, пришла прямо в их личную войну.

Глава 10

Мара-Пожирательница сделала шаг вперёд, и обледеневшие стены чужого подсознания жалобно застонали. Первым в бой ринулся Велемир. Гордый дух кошмаров не мог стерпеть, что в его личные владения вторглась эта заплесневелая карга. Он резко выкинул руки вперёд, с его чёрных когтей сорвалась колоссальная волна фиолетового Морока, похожая на бушующий шторм. Но стоило его магии соприкоснуться с полуистлевшим саваном Мары, как тёмная сила Нави просто впиталась в неё. Старуха лишь утробно, торжествующе расхохоталась. Она питалась разрушением, и магия Вела сделала её только сильнее.

— В сторону, Базилио! Дай дорогу профессионалам! — крикнула Ксюша.

Она изо всех сил сконцентрировала в кулаке ослепительный золотой шар. Но стоило ей швырнуть этот свет в чудовище, как ледяные иглы на пальцах Мары со скрежетом сошлись вместе. Свет зашипел, покрываясь серой коркой инея, и разорвался, не причинив Пожирательнице никакого вреда. Силы были слишком неравны. Сновидение пасечника окончательно превратилось в ледяную крошку, выталкивая чужаков вон.

Мара резко взмахнула костлявой рукой, и мощнейший ледяной вихрь со всего маху ударил в грудь Велемира. Чернокнижник навих снов не удержался — его магия захлебнулась, и с оглушительным звуком его первым с корнем выкинуло из пространства сна обратно в реальный мир.

— Птичка!!! — в панике закричал Вел, чьё человеческое тело соткалось посреди туманной поляны Нави. Его аккуратные чёрные кошачьи уши в ужасе прижались к голове, а зелёные глаза лихорадочно уставились на затянутый серым льдом омут сновидения.

А внутри замерзающего подсознания Ксюша осталась совершенно одна. На секунду её сковал дикий, парализующий шок. Сердце бешено колотилось, а глаза испуганно округлились, когда Мара потянулась своими ледяными иглами к её лицу. Ксюша закричала от страха, упрямо выставила вперёд ладони, пытаясь бороться в одиночку и защитить несчастного пасечника, но в следующую секунду ледяная волна накрыла её с головой, и её тоже с треском вышвырнуло из сна.

Ксюша пулей вылетела из невидимого портала и со всего маху приземлилась прямо на Велемира, который в этот момент в полной панике метался по поляне.

Они кубарем покатались по мягкому навью мху и замерли. Ксюша оказалась лежащей на нём сверху. Волосы шёлковым покрывалом укутали их обоих, полностью скрывая от внешнего мира.

— Ты жива... — хрипло, сорвавшимся и мелко дрожащим голосом выдохнул Вел, лежа под ней.

Его руки вцепились в её тонкую талию, прижимая девушку к себе так сильно, словно она могла раствориться каждую секунду. Его грудь бешено, прерывисто вздымалась.

Ксюша, всё ещё тяжело дыша от пережитого ужаса, упёрлась ладонями в его широкие плечи. Заметив, как сильно этот гордый чернокнижник за неё испугался, она попыталась скрыть собственное волнение за привычной ехидной улыбкой:

— Ну а что со мной будет, котик? Переживаешь за свою когтеточку?

Она предприняла попытку встать с него, но Велемир упрямо не дал ей этого сделать. Его пальцы лишь сильнее сжались на её талии. Он хмурился, его зрачки сузились в тонкие вертикальные ниточки, и он с какой-то пугающей, голодной нежностью пристально всматривался в её бледное, испуганное лицо. В этот миг Ксюша ясно поняла — шутки кончились. Этот опасный навский хищник больше не играет с ней в кошки-мышки.

— Тише, Ночь моя... Проклятая старуха перекрыла сны. Она идёт сюда, — глухо прошептал он ей прямо в губы.

В следующую секунду Вел резко взмахнул рукой. Мир вокруг них мгновенно поплыл, закружился в мощном вихре фиолетового и чёрного тумана, и они оба с тихим хлопком навсегда исчезли с опасной лесной поляны, спасаясь от ледяного дыхания Мары.

Вихрь фиолетового тумана с глухим хлопком опал, и Ксюша с Велемиром материализовались прямо на холодном каменном полу тронного зала. Мрачный, монументальный замок из иссиня-чёрного навьего камня встретил их звенящей тишиной, которая тут же нарушилась паническим писком. Маленькие мохнатые слуги-шиши, до этого лениво протиравшие пыль, в полном ужасе бросились врассыпную, прячась за тяжёлыми гобеленами и ножками массивных стульев. Никто из них никогда не видел своего сурового хозяина в таком взмыленном и испуганном состоянии.

Ксюша наконец-то неловко слезла с Вела, поправляя подол своего сарафана. Она осторожно огляделась по сторонам. Высокие стрельчатые окна, сквозь которые пробивался блёклый лунный свет изнанки, огромный камин, резные колонны, напоминающие переплетённые корни деревьев, и зловещие канделябры — интерьер замка был стопроцентно готическим. В душе Ксюши, как у городской стильной девчонки, это вызвало искренний восторг. «Ладно, у кошака со вкусом всё очень даже неплохо, настоящий отель де люкс в стиле тёмного фэнтези», — подумала она, но вслух, конечно же, ничего не сказала, сохраняя независимый вид.

Велемир тем временем стремительно поднялся на ноги, нервно поправляя пояс. Он был вне себя от злости — и на проклятую старуху, и на собственное бессилие, и на то, как сильно у него до сих пор колотилось сердце за эту черноволосую Птичку.

— Мара... Проклятая Пожирательница снов не появлялась в приграничье уже три сотни лет! — злобно процедил Вел, сжимая пальцы с острыми чёрными когтями в кулаки. — До меня на этих землях правили ещё три чернокнижника, и ни один из них не сталкивался с её голодом. Если она пришла сейчас, значит, баланс миров окончательно полетел к чертям.

Он резко развернулся и размашистым шагом направился по длинному, тёмному коридору зала. Его длинные смоляные волосы взметнулись от быстрой ходьбы. Пройдя с десятков метров, Вел внезапно резко затормозил. Он обернулся, смерил Ксюшу тяжёлым, долгим взглядом с головы до ног, раздражённо выдохнул и стремительно вернулся назад. Не говоря ни слова, он железной хваткой перехватил её тонкую ладонь и властно потянул за собой.

Они начали спускаться по крутой, винтовой каменной лестнице, уходящей глубоко вниз, в самые мрачные недра замка. Факелы на стенах вспыхивали сами собой фиолетовым навьим огнём, отбрасывая на стены их длинные, зловещие тени. Дыхание изнанки здесь становилось всё более плотным и тяжёлым.

Ксюша невольно испугалась, сильнее сжав пальцами подол своего оранжевого наряда, она подозрительно прищурилась, глядя в широкую спину духа кошмаров:

— Так, Властелин лотка, мы куда это прёмся? Ты что, решил запереть меня в сыром подвале, чтобы я твои дурацкие хорроры больше не портила? Сразу говорю: у меня аллергия на плесень и замкнутые пространства, я тебе там все стены своими искрами разнесу!

Велемир полностью проигнорировал её очередную колкость, даже не поведя ухом. Однако его ладонь сжалась на её аккуратной ручке ещё крепче, делясь своим навьим, согревающим теплом. Он уверенно вёл её вперёд сквозь сгущающуюся тьму подземных коридоров.

— Нам нужно избавиться от Мары, — глухо и предельно серьёзно отозвался он, не оборачиваясь, но его голос эхом разнёсся под каменными сводами подземелья. — В одиночку мы для неё просто закуска. Придётся объединять твою светлую искру и мой Морок. Так что не отставай, Ночь моя. Нам предстоит очень долгая и весёлая ночька.

Глава 11

Винтовая лестница оборвалась перед монументальной стеной из монолитного чёрного камня, на которой не было ни замочной скважины, ни дверной ручки. Только сплошная гладкая поверхность, покрытая слоем многовековой пыли.

Велемир остановился, наконец отпустив руку Ксюши, и сделал шаг вперёд. Его зелёные кошачьи глаза ярко вспыхнули в полумраке подземелья, а аккуратные чёрные уши на макушке чутко качнулись вперёд. Дух медленно занёс руку, и его острые чёрные когти с тихим, серебристым звоном коснулись холодного камня. Он провёл пальцами замысловатую линию, оставляя в воздухе светящийся фиолетовый след навьей магии.

Гул! — тяжёлый, утробный звук сотряс каменные своды.

Монолитная стена со скрипом и скрежетом начала медленно расступаться в стороны, открывая взору тайное святилище замка. Ксюша так и застыла на месте, вытаращив глаза от полнейшего шока.

Перед ней раскинулась огромная, уходящая высоко вверх подземная библиотека. Стены этого громадного круглого зала были полностью высечены из тёмного скального массива, и до самого потолка тянулись бесконечные ряды резных стеллажей. Они были забиты тысячами старинных, потемневших от времени свитков, огромных гримуаров в кожаных переплётках с костяными накладками и древних славянских рукописей. Посреди зала стоял массивный дубовый стол, над которым сами собой зажглись парящие в воздухе фиолетовые навьи светильники, разгоняя вековую тьму. Всё это выглядело как оживший готический фильм, от которого у Ксюши, как у городской любительницы мистики, перехватило дыхание.

Велемир, не теряя времени, упрямо ухватил её за руку и потянул за собой внутрь зала, целеустремлённо направляясь к дальним стеллажам. Ксюша в этот раз даже не попыталась вырваться — её фигура двигалась словно на автомате.

Пытаясь справиться с нахлынувшим благоговением и вернуть привычный контроль над ситуацией, Ксюша ехидно сощурилась и выдала свою фирменную колкость:

— Ну ничего себе... Слушай, Васька, а я и не знала, что коты умеют читать. Ты книжтo не путаешь с когтеточками? Надеюсь, тут нет мышей, которые погрызли твои великие хоррор-сюжеты?

Велемир даже не обернулся, но его плечи заметно дрогнули от беззвучного смеха. Он уверенно подошёл к одной из полок, безошибочно вытянул огромный, тяжёлый фолиант в переплётке из чёрной кожи и наконец повернулся к ней лицом. Его зрачки сузились в тонкие вертикальные нити, а на красивых губах заиграла обворожительная, обжигающая своей уверенностью усмешка.

— Я много чего умею делать... Ночь моя, — тихо, с бархатной кошачьей хрипотцой проговорил он, сделав к ней короткий шаг и обдав её привычным ароматом лаванды, хвои и морозного ветра.

Ксюша мгновенно осеклась, и её слова застряли в горле. Она почувствовала, как к щекам прилила жаркая, пунцовая волна. Девушка смутилась настолько сильно, что поспешно отвела взгляд в сторону, делая вид, что её безумно заинтересовал узор на корешке соседней книги. Её сердце предательски сделало кувырок.

«Ночь моя... — Ксюша лихорадочно прижала ладонь к груди, чувствуя, как там встревоженно, но сладко завибрировала золотая искра. — Почему он постоянно меня так называет? То Птичкой звал, а теперь — Ночь моя. Издевается, что ли, кошак облезлый? Или это у него такие навьи подкаты средневековые? Так, Ксюха, соберись, ты будущая топ-модель, а не наивная деревенская дуручка, чтобы краснеть от слов парня с кошачьими ушами!»

Велемир тем временем с тихим стуком опустил тяжёлую книгу на дубовый стол, делая вид, что абсолютно не заметил её замешательства. Однако его чуткие чёрные ушки на макушке победно и довольно приподнялись, уловив её участившееся дыхание.

Велемир бережно, стараясь не задеть страницы острыми когтями, перелистывал пожелтевшие от времени пергаментные листы. Тяжёлый золотой пояс тускло отражал фиолетовый огонь факелов. Ксюша молча наблюдала за ним, сложив руки на груди.

— Вот, нашёл, — глубоким, непривычно серьёзным голосом произнёс Вел, останавливая палец на древней вязи. Глаза хищно сузились, вчитываясь в строки. — Хроники первого чернокнижника Нави. Здесь написано, как побороть Пожирательницу снов.

— И как же? — Ксюша подошла ближе, невольно вдыхая его лавандово-хвойный аромат. — Запереть её в гигантском холодильнике? Или вызвать службу дезинсекции?

Вел не оценил шутки. Его аккуратные уши напряжённо замерли. Он поднял на неё тяжёлый, пронизывающий взгляд:

— Чтобы уничтожить Мару, нужно гораздо больше сил, чем есть у каждого из нас по отдельности. Она питается чистым страхом и легко замораживает свет. Но её слабость в том, что проникать в коллективные сновидения деревни разом может далеко не каждая сущность. Мара пробивает сны по одному, медленно выпивая жизнь. Чтобы её сжечь, нужен удар изнутри общего, единого сна всех жителей.

Велемир закрыл фолиант с глухим стуком, обошёл стол и остановился прямо перед Ксюшей. Между ними снова осталось жалкое расстояние в пару сантиметров. Его бледное лицо сейчас казалось суровым и сосредоточенным.

— Птичка, я предлагаю совместить наши силы, — тихо, но твёрдо сказал он, глядя прямо в её глаза. — Мой тёмный Морок послужит безупречным щитом и приманкой, а твоя золотая искра взорвёт Пожирательницу изнутри. Но есть одно «но». Древняя магия изнанки сурова. Для слияния сил нам придётся прямо здесь войти в один глубокий, неразрывный транс.

— И в чём подвох, котик? — Ксюша подозрительно прищурилась. — Нам нужно будет сдать кровь на анализ или заполнить налоговую декларацию Нави?

— Хуже, — Вел протянул к ней свои ладони ладонями вверх, обнажая чёрные когти. — Нам нужно будет крепко держаться за руки на протяжении всего ритуала. И полностью, абсолютно доверять друг другу. Если в твоей или моей голове мелькнёт хотя бы капля сомнения или страха перед партнёром, магия Правил закоротит Морок, и нас обоих просто размажет по стенам этой библиотеки в виде астральной пыли.

Ксюша уставилась на его бледные ладони, чувствуя, как внутри неё испуганно и одновременно сладко завибрировала светлая сила. Доверять? Этому невыносимому, высокомерному копащему выродку, который ещё вчера издевался над деревней и швырялся шишками?

Она вздохнула, упрямо вздёрнула подбородок и, прежде чем вложить свои тонкие пальцы в его руки, выдала свою лучшую ехидную улыбку:

— Доверять тебе? Слушай, Ярик, это самая невыполнимая миссия в моей жизни. Я в своём мире даже парням из Тиндера после первого свидания не доверяю, а тут должна открыться коту, который вылизывается на заборах! Ты уж постарайся не думать о сметане во время транса, Властелин лотка, а то вместо великого спасения мы случайно наколдуем старосте сон про молочный завод.

Велемир опешил, его уши оскорблённо дёрнулись, но в следующую секунду он тихо, искренне рассмеялся, обнажая белые зубы. Он крепко сжал её ладони, переплетая свои пальцы с её. По венам обоих мгновенно побежал мощный, обжигающий ток слияния двух противоположных энергий.

— Обещаю думать только о тебе, Ночь моя, — шепнул он, закрывая глаза и утягивая её за собой в чернеющую бездну общего транса.

Велемир сидел напротив неё на каменном полу библиотеки, скрестив ноги. Его глаза были плотно закрыты, а длинные ресницы бросали мягкие тени на бледные скулы. Густые смоляные волосы скользнули вперёд, частично скрывая чуткие чёрные ушки, которые сейчас замерли, расслабленно опустившись. Пальцы с острыми чёрными когтями крепко, но удивительно бережно сжимали её ладони, бережно согревая их своим навьим теплом.

Ксюша какое-то время ещё смотрела на него, не решаясь закрыть глаза. Её фигура замерла, словно изваяние. Она пристально изучала каждую чёрточку его лица, силясь разгадать этого странного сумеречного хищника.

Вдруг странное, мягкое и глубокое тепло начало медленно пронзать её грудь, бережно разливаясь по венам от самых кончиков пальцев. Золотая искра внутри неё тихо, согласно замурлыкала, переплетаясь с фиолетовыми искрами его Морока.

«Только обо мне? Серьёзно?» — растерянно подумала Ксюша, чувствуя, как к щекам снова подкатывает предательский румянец.

Она вспомнила все его издевки, пафосные речи и лавандовые ванны. Но сейчас, глядя на этого сосредоточенного, внезапно притихшего чернокнижника, Ксюша всем своим существом осознала одну простую, ошеломляющую вещь: он действительно не причинит ей вреда. Этот невыносимый кот может снова ехидно ухмыльнуться, выдать сто порций вредности или со смешком кинуть очередную сосновую шишку ей в голову. Но дать ей умереть? Заморозить её душу ледяными иглами Мары? Нет. Никогда. В его зелёных глазах, когда он держал её на руках после падения, читался слишком первобытный, слишком искренний человеческий страх за неё.

Доверие, хрупкое и чистое, словно весенний лёд, наконец-то заполнило её сердце, вытесняя остатки городского скепсиса. Ксюша шумно выдохнула, расслабляя плечи, позволила шёлковым чёрным волосам укутать её плечи и мягко прикрыла глаза.

Мир библиотеки с тысячами древних свитков мгновенно растаял, и Ксюша с головой ухнула вниз, утопая вместе со своим котиком в бескрайний, глубокий совместный транс Нави.

Глава 12

Общий транс встретил их не пустотой, а оглушительным, хаотичным взрывом образов. Их подсознания столкнулись на полной скорости, вываливая друг на друга всё то, что они так тщательно скрывали.

Ксюша охнула, обнаружив себя парящей посреди чужого прошлого. Вокруг раскинулась древняя, заснеженная Навь многовековой давности. Она увидела Вела совсем юным духом — бледным мальчишкой лет тринадцати с испуганными зелёными глазами и ещё совсем крошечными чёрными ушками, которые нервно прижимались к голове. Он сидел на коленях посреди сожжённой дотла деревни, а вокруг были безликие призрачные твари. Ксюша физически почувствовала его тогдашнее леденящее одиночество и то, как сильно он пытался защититься от этой слепой Тьмы. Кошмары стали его единственным оружием, щитом, которым он закрылся от мира. Он стал пугать людей не от жестокости, а чтобы его самого больше никогда, никто не посмел обидеть.

«Так вот почему ты такой вредный... — у Ксюши сжалось сердце. — Просто одинокий кошак, который разучился доверять».

В этот же миг в подсознании Велемира развернулся настоящий культурный шок. Чернокнижник Нави с вытаращенными глазами созерцал огромный, грохочущий мегаполис Яви. Вокруг него с диким рёвом неслись железные коробки на колёсах, в небо утыкались стеклянные дома-великаны, а из колонок гремела странная ритмичная музыка. Но самым ярким пятном была сама Ксюша. Высокая, статная, в умопомрачительном блестящем платье, она уверенно вышагивала по подиуму под прицелом сотен вспышек. В её карих глазах горела такая сумасшедшая, гордая уверенность, что Вел окончательно пропал. Он смотрел на её земную жизнь и понимал — эта Ночная Птица прекрасна в любом из миров.

— Что это за чудовища на колёсах?! — раздался растерянный голос Вела прямо внутри ментального пространства. — И зачем люди светят в тебя этими маленькими молниями?!

— Это машины, ушастик, и это кастинг, — фыркнула Ксюша, мысленно улыбаясь. — Привыкай. Теперь ты знаешь, к какому комфорту я привыкла. Никакой соломы и печного дыма.

Их воспоминания закружились, переплетаясь. Тёплая ваниль её мира смешалась с морозной хвоей его Нави. Золотая искра Ксюши мягко, но уверенно обвила фиолетовые нити Морока Велемира, словно вплавляясь в них. Вспышка! И внутри их общего транса соткалось нечто невероятное — грандиозная двухслойная сфера. Снаружи она была абсолютно чёрной, клубящейся кошмарами (безупречная приманка для Мары), а внутри неё пульсировало солнце чистейшего, разрушительного света.

Они резко распахнули глаза, одновременно вылетая из транса на холодный пол библиотеки.

Каменные своды вокруг них всё ещё мелко вибрировали от остаточной магии. Ксюша тяжело дышала, её сарафан слегка светился, а волосы разметались по плечам. Велемир сидел напротив, крепко сжимая её ладони. Его уши восторженно и чутко стояли торчком, а в глазах больше не было вековой скуки — только голодный, дикий азарт хищника, который наконец-то нашёл свою идеальную пару.

— Ну что, Базилио... — Ксюша перевела дух, возвращая на лицо привычную ехидную улыбку, хотя сердце в груди бешено колотилось. — Мы создали эту бомбу. Пора устроить старухе Маре финальную дезинсекцию.

— Пора, Ночь моя, — Вел обворожительно улыбнулся, обнажая белые зубы, и поднялся во весь рост, поправляя пояс на кафтане. — Смертные в деревне уже засыпают. И сегодня их сны удивят Пожирательницу так, что она забудет, как дышать.

Они не стали терять ни секунды. Выскочив из подземелий замка, Ксюша и Велемир мгновенно внедрились в коллективное сновидение всей приграничной деревни. Сон смертных напоминал огромное, серое замерзающее поле — Мара-Пожирательница уже была здесь. Её полуистлевший саван волочился по инею, а ледяные иглы на пальцах со скрежетом тянулись к застывшим душам Володьки, старосты и кузнеца.

— Эй, заплесневелая карга! — оглушительным эхом разнёсся по сновидению голос Велемира.

Чернокнижник Нави эффектно соткался прямо посреди ледяного поля, швыряя вперёд их новую двухслойную сферу. Снаружи она выглядела как сочный, липкий кошмар, наполненный первобытным ужасом — идеальное лакомство для голодной ведьмы. Мара Пожирательница предвкушающе, утробно зашипела и мгновенно бросилась к сфере, широко раскрывая свою костлявую пасть, чтобы поглотить этот Морок целиком.

— А теперь — дискотека, Васька! — закричала Ксюша, с разбегу вылетая из тумана.

Она резко вскинула руку с зажатой в кулаке искрой и щёлкнула пальцами.

В ту же секунду, когда Мара заглотила туманную приманку, внешняя чёрная оболочка ловушки растаяла, освобождая скрытое внутри солнце. Чистый, ослепительный золотой свет взорвался прямо внутри утробы Пожирательницы сновидений!

Чудовище дико, истошно закричало, из-под её костяной маски заструились лучи обжигающего золота. Ледяные иглы на её руках начали стремительно таять, превращаясь в обычную воду, а серый иней на поле сновидения с грохотом рушился, уступая место зелёной траве и тёплому летнему солнцу. Мара пыталась уцепиться своими когтями за ускользающую тьму, но магия Ксюши и Вела выжигала её безжалостно, слой за слоем. С громким, оглушительным хлопком древнее зло Нави окончательно разлетелось на тысячи безобидных искр, навсегда освобождая деревню от векового голода.

Мара-Пожирательница окончательно разлетелась на тысячи безобидных пепельных искр, навсегда освобождая приграничье от ледяного голода. Поле коллективного сновидения очистилось, заиграв мирными красками. Жители деревни, запертые в своих телах, наконец-то облегчённо вздохнули во сне.

Но Велемир не был бы великим и ужасным Котом Баюном, если бы упустил шанс оставить последнее слово за собой.

Едва пространство сна стабилизировалось, как его глаза хищно сузились, а аккуратные чёрные уши на макушке мстительно встали торчком. Чернокнижник резко взмахнул руками с чёрными когтями, собираясь взамен уничтоженному злу снова навести свой фирменный, сочный кошмар на деревню — просто по старой вредной привычке и чтобы вернуть себе статус единоличного хозяина положения. Воздух вокруг Володьки и старосты опять начал сгущаться в фиолетовый туман Морока.

Ксюша, заметив этот кошачий произвол, лишь устало покачала головой:

— Да ты не исправим, Базилио...

Она решительно шагнула вперёд и с размаху отвесила великому повелителю Нави весомый, звонкий подзатыльник прямо по его идеальной макушке.

— Эй! — Вел от неожиданности аж присел, хватаясь ладонью за ушибленное место, а его уши оскорблённо прижались к волосам. — Ты что творишь, женщина?! Я высший дух!

— Хватит, котик, — строго, но с улыбкой оборвала его Ксюша. — Им на сегодня и так кошмаров предостаточно.

Она грациозно взмахнула рукой, и наколдованная ею искра щедро плеснула в подсознание деревенских невероятную картину. Вместо фиолетового тумана Вела сон заполнился роскошной, яркой живой природой, залитой ласковым солнцем. Запели невиданные райские птицы, зашумел грандиозный кристальный водопад, которого местные смертные в своей глуши явно никогда в жизни не видели. Жители блаженно улыбнулись в своих постелях.

Пока Велемир заворожённо рассматривал этот чужой, тёплый шедевр, Ксюша подошла к нему со спины и, недолго думая, коротким, но точным пинком вытолкала грозного черно-книжника прямо вон из пространства чужого сна.

Вел пулей вылетел в реальность Нави и с глухим звуком плюхнулся задом прямо в мягкую лесную траву. Его кафтан задрался, а пояс обиженно звякнул. Он сердито зашипел, оборачиваясь, но Ксюша уже соткалась рядом. Её высокая фигура вытянулась во весь рост, а роскошные чёрные волосы эффектно взметнулись на ветру.

Она отряхнула ладони и деловито заявила:

— Ну всё. Дело сделано, старуха уничтожена. Давай, котик, расход. Разбегаемся.

— Как это — расход?! — Велемир от такой будничной формулировки даже растерялся, округлив глаза до размеров чайных блюдц. Он торопливо поднялся на ноги, отряхивая штаны, и уставился на неё в полнейшем удивлении. — Мы же это... Ну...

Он запнулся, лихорадочно оглядываясь по сторонам в поисках аргументов, и его чуткие уши растерянно дёрнулись. Навья гордость трещала по швам, слова застревали в горле. Не найдя, что сказать, Вел резко наклонился, сорвал с куста росший прямо у его сапога странный, светящийся фиолетовый цветок Нави и упрямо протянул его Ксюше прямо в руки.

— Мы ведь теперь... пара? — выдавил он, хмурясь от бешеного волнения и преданно глядя на неё своими кошачьими зрачками.

Ксюша от такой внезапной смены амплуа великого и ужасного монстра буквально вытаращила глаза. Она перевела взгляд с бледного, сурового лица красавца на несчастный фиолетовый цветочек. А в следующую секунду её городская натура не выдержала, и Ксюша залившись, во весь голос рассмеялась на весь Навий лес:

— Пара?! Серьёзно, Ярик?! Ты сейчас со мной встречаться предлагаешь? О боже, Властелин лотка включает романтика — это просто треш века!

Глава 13

Звонкий, залиvistый смех Ксюши эхом разносился под сумрачными сводами Навьего леса. Она всё ещё держалась за живот, искренне потешаясь над суровым Велемиром, который с максимально серьёзным видом протягивал ей несчастный фиолетовый цветок.

Но в один миг её смех резко оборвался.

Ксюша охнула, когда её грудь прошила внезапная, ледяная судорога. Цветок выпал из пальцев Вела, так и не долетев до её руки. Девушка испуганно опустила взгляд и с ужасом обнаружила, что её оранжевый сарафан с золотыми узорами и тонкие запястья начали мелко, лихорадочно вибрировать. С каждым ударом её сердца края одежды размывались, превращаясь в прозрачную дымку. Сквозь её статное тело теперь можно было отчётливо разглядеть узловатые корни векового дуба, росшего позади.

Миссия была выполнена. Древняя Мара уничтожена, баланс сновидений восстановлен, а значит — контракт с изнанкой подошёл к концу. Высшие законы Прави и Нави, не знающие жалости и исключений, начали насильно вытягивать чужеродную душу Ксюши обратно, в её родной мир Яви. Туда, где на пыльном чердаке бабушкиного дома бездыханно лежало её реальное, земное тело.

— Ярик... — испуганно прошептала Ксюша, и её глаза округлились от подступающей паники. — Что со мной происходит? Мои руки... я их почти не чувствую!

Она попыталась привычно призвать на помощь золотую искру, чтобы стабилизировать себя, но пальцы лишь беспомощно покалывало. Магия Дрёмы стремительно, безвозвратно вытекала из неё, растворяясь в воздухе Нави. Ксюша на глазах теряла бессмертную призрачную силу, превращаясь в обычную, незащищённую и безумно уставшую смертную девушку, застрявшую на чужой территории. Её шёлковые чёрные волосы поблёкли, а ноги подкосились от нахлынувшей человеческой слабости.

Велемир, созерцая, как его «Ночь» буквально тает в воздухе, впал в самую настоящую, дикую панику.

Вся его вековая гордость, высокомерие и маска сурового чернокнижника слетели за долю секунды. Его аккуратные чёрные кошачьи уши на макушке в ужасе прижались к волосам, а ярко-зелёные глаза расширились до предела, когда вертикальные зрачки сузились в испуганные тонкие ниточки.

— Ксюша! — отчаянный, сорвавшийся на хриплый кошачий рык голос Вела разорвал тишину леса.

Он рванулся вперёд и попытался поймать её в свои объятия. Его руки судорожно сомкнулись на её талии, но пальцы обхватили лишь полупрозрачный, холодный туман. Ксюша медленно выскользнула из этого мира, уходя сквозь его ладони.

— Нет, нет, нет, стой! — забормотал Вел, и на его бледных щеках проступил пунцовый румянец отчаяния. — Не смей исчезать, слышишь меня?! Ночная птица. Я не отпущу тебя!

Он лихорадочно выкинул ладони вперёд, пытаясь окутать её своим мощнейшим фиолетовым Мороком, соткать щит, удержать её душу своей навьей силой. Но его магия была рождена для разрушения и кошмаров — она не умела созидать, не умела лечить или удерживать жизнь. Чёрные нити Морока лишь испуганно рикошетили от её истончающейся ауры. Велемир, великий и ужасный Кот Баюн, перед которым трепетала вся деревня, сейчас стоял на коленях в траве, беспомощно хватая воздух и со слезами ярости на глазах глядя, как его самый любимый кошмар навсегда уходит в небытие.

Её тело истончалось всё сильнее, превращаясь в золотистую пыльцу, которая медленно поднималась к сумеречным кронам Навьего леса. Ксюша видела панику в глазах Велемира. Она видела, как дрожат его руки, как испуганно прижались к макушке уши. Вся его спесь и

высокомерие «Властелина лотка» испарились, оставив лишь растерянного, отчаянно борющегося за неё парня.

Ксюша слабо, невероятно нежно улыбнулась ему на прощание. Преодолевая сопротивление невидимых сил, которые утягивали её прочь, она сделала последнее усилие. Её полупрозрачная, призрачная ладонь мягко поднялась и на мгновение коснулась его бледной, ледяной щеки. Коснулась так легко, словно подул предрассветный ветерок, пахнувший сладкой ванилью.

— Эй... Ну чего ты уши прижал, котик? — тихо, едва слышно прошептала она, и её глаза блеснули затаёнными слезами. — Не надо... Я ведь на самом деле была рада познакомиться с тобой. Прекрасный мой... тёмный кошмар.

Её пальцы окончательно растаяли, соскользнув с его лица. Ксюша закрыла глаза, готовая сделать последний вдох в Нави и очнуться на пыльном чердаке своего мира.

Но именно в эту секунду случилось непоправимое.

Велемир, ослеплённый ужасом потери, совершил роковую ошибку. Он не мог просто отпустить свою «Ночь». В самый последний миг он вложил всю свою колоссальную силу чернокнижника в отчаянный, хаотичный выброс магии Нави, пытаясь захлестнуть её душу, как арканом, и привязать к своим чертогам.

Тёмный, пульсирующий фиолетовыми искрами Морок лавиной швырнуло вперёд. Но Ксюша уже наполовину находилась по ту сторону изнанки. Её дух был слишком слаб, человеческая уязвимость лишила её защиты. Вместо того чтобы удержать её в реальности, тяжёлая, разрушительная магия Велемира насквозь прошла её уходящее подсознание, затапливая его липким, первобытным ужасом.

Вместо мирного и спокойного возвращения домой в Явь, Ксюша прямо в процессе межмирового перехода с диким ментальным криком провалилась в бездну. В самый роковой, искажённый до неузнаваемости кошмар.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.